

60¹/₃ К. У. 37
Т Р У Д Ы

О Р Е Н Б У Р Г С К О Й 1097
X

У Ч Е Н О Й А Р Х И В Н О Й К О М И С С И И

O E U V R E S

de la Commission scientifique des Archives
d' Orenbourg. Russie.

В Ы П У С К Ъ Х V I .

Tome X V I .

О Р Е Н Б У Р Г Ъ .

Паровая Типо-литография Ф. Г. Каримова.

1906.

Событія въ Оренбургскомъ краѣ, подготовившія экспедицію въ Хи- ву 1839—1840 гг

1. Матеріалы, собранные С. Н. Севастьяновымъ и обработанные И. С. Шук-
шинцевымъ.

Походъ генераль-адъютанта В. А. Перовскаго въ Хиву, кончившійся, какъ извѣстно, неудачно, послужилъ полезнымъ урокомъ въ послѣдствіи, при окончательномъ покореніи Хивы и, какъ засвидѣ-
тельствовалъ рескриптъ императора Николая I, дан-
ный на имя Перовскаго, «будетъ памятникомъ не-
поколебимаго мужества, которое явили русскія вой-
ска въ борьбѣ съ препятствіями, самою природою
противупоставленными» *)

Имѣющіеся печатные источники достаточно об-
рисовали самый походъ, но тѣ событія, которыя,
слагаясь постепенно, выдвинули его на сцену и
привели къ осуществленію, — требуютъ еще дальнѣй-
шихъ разработокъ.

Для будущаго болѣе подробнаго изслѣдованія
этихъ причинъ мы рѣшаемся представить, какъ
матеріалъ, нѣкоторыя историческія указанія, глав-
нымъ образомъ основанныя на дѣлахъ архива Орен-
бургской Ученой Архивной Комиссіи, въ надеждѣ,

*) См. Архивъ Ор. Уч. Арх. К. Отдѣлъ пограничный. «Дѣло о награж-
деніи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ за участіе въ
хивинской экспедиціи въ 1839—1840 г.» Нач. 13 іюля 1840 г., окон. 15 ян-
варя 1841 г. на 300 л.

что они могутъ быть также полезными и при изученіи прошлаго Оренбургскаго края, тѣсно связаннаго съ исторіей взаимныхъ отношеній Россіи къ Средне-Азіятскимъ ханствамъ и городамъ.

Глава I.

Съ паденіемъ Казанскаго царства (1552 г.) Московскому правительству открылся широкій просторъ для колоніальной политики на востокъ. «Надобно перенестись въ XVI вѣкъ» говоритъ С. Соловьевъ, «чтобы понять всю силу впечатлѣнія, какое произвели на современниковъ эти слова: завоевано татарское царство! Завоеваніе Казанскаго царства было первымъ завоеваніемъ и, что всего важнѣе, завоеваніемъ татарскаго царства: послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей счастливыя времена первыхъ князей завоевателей....»*)

«До тѣхъ поръ», продолжаетъ тотъ же историкъ, «дальнѣйшее движеніе русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно.. Пала Казань и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства; завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ послѣдствіемъ завоеванія Казани.»**

Зная, что въ тылу не находится болѣе грозной Казани, передовые бойцы смѣло двинулись на Сибирь и завоеваніе Сибирскаго царства покрыло неувядаемою славой атамана волжскимъ казаковъ Ермака и его дружину.

На Волгѣ, Камѣ, Бѣлой Воложкѣ и по Яику все ожило, все зашевелилось.

Желаніе Царя и всей этой голытьбенной Руси,

*) Исторія Россіи. С. Соловьева. Т. VI, глава III, стр. 114—115.

**) *ibid.* Стр. 117.

кишѣвшей по берегамъ этихъ рѣкъ, сочетались въ одномъ общемъ стремленіи: поразить остатки грозной силы, разбросанной въ разныхъ мѣстахъ, и отмстить, наконецъ, за вѣковыя угнетенія.

Это совпаденіе народныхъ идеаловъ и стремленій Московскаго правительства нужно отмѣтить, какъ знаменательное событіе XVI вѣка; въ этомъ совпаденіи вся разгадка той неудержимой силы и подъема народнаго духа, которые выдвинули на сцену такихъ вождей, какъ Ермакъ Тимофеевичъ—покоритель Сибири.

«Замѣтимъ», говоритъ Карамзинъ, «что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи Донскихъ и Волжскихъ казаковъ—витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удалства, раздражая Султана, грозя Хану, смиряя Ногаевъ, утверждая власть Московскихъ вѣнценосцевъ надъ Сѣверной Азіей».

Въ началѣ XV столѣтія въ устьяхъ р. Урала (Яика) появляется новая казачья община, Яицкіе казаки—выходцы съ Дона. Первоначально число ихъ не превышало и 40 человекъ, но, постепенно разрастаясь, они основали свой главный Яицкій городокъ (гор. Уральскъ.*)

Отстаивая упорно свое существованіе, горсть этихъ смѣльчаковъ отражала набѣги татаръ Золотой Орды и степныхъ кочевниковъ—калмыкъ и киргизъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (1613—1645) Яицкіе казаки вслѣдствіе, вѣроятно, своей малочисленности и затруднительности для нихъ по-этому охранять р. Яикъ обратились съ просьбою о принятіи ихъ подъ высокую руку царя и, такъ сказать, объявили о своемъ существованіи.**)

*) См. Витевскій: «Ив. Ив. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.» Выпускъ 2-й, стр. 220—221.

**) Тамъ же стр. 222 и стр. 51 сочиненія того-же автора: «Ив. Ив. Неплюевъ—устроитель Оренбургскаго края. Къ 300-лѣтнему юбилею существованія Уральского казачьяго войска.» Казань. 1891.

Просьба казаковъ была принята благосклонно и они, надѣясь на поддержку Москвы, могли теперь еще отважнѣе пускаться въ степные поиски.

Дѣйствительно, по преданію, записанному историкомъ Оренбургскаго края, П. И. Рычковымъ, около того времени собственно и начинаются поиски Яицкихъ казаковъ въ Хиву. Походы атамана Нечая и затѣмъ Шамая хотя и окончились гибелью для казаковъ, однако послужили къ болѣе или менѣе непосредственному знакомству русскихъ людей съ Хивой, съ которой, впрочемъ, торговые сношенія начаты были давно, въ древней еще Руси, но прервались на цѣлыя вѣка съ нашествіемъ Батыя.

Судя по тому же преданію, казаковъ на эти поиски увлекали богатство Хивы и жажда наживы.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти причины были, но онѣ однѣ не могли побудить казаковъ, послѣ похода Нечая, сопряженного съ такими жертвами, возобновить поискъ въ Хиву при Шаматѣ.

Есть вѣроятіе предположить, что въ этомъ были причины и болѣе серьезнаго свойства.

Изъ позднѣйшей исторіи извѣстно, что киргизы Малой и Средней орды, тѣснимые съ юго-запада калмыками, съ сѣвера башкирами и Сибирскими казаками, съ востока зюнгорами, — придвинулись въ началѣ XVIII ст. къ русскимъ границамъ и просили Петра I о принятіи ихъ въ русское подданство, но Петръ, занятый войной со Швеціей, отклонилъ на время ихъ желаніе.*)

Съ приближеніемъ киргизъ къ русскимъ границамъ, начались нападенія ихъ на Нижне-Уральскую линію, охраняемую Яицкими казаками. Такъ мы видимъ, что въ 1713 г. партія каракалпаковъ и киргизъ, въ числѣ 800 человекъ, напала на возвращавшихся изъ Сызрани съ хлѣбомъ казаковъ,

*) См. Витевскій; «Ив. Ив. Неплюевъ и Оренб. край..», вып. 1-й, стр. 134—135

изъ которыхъ одни были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ и увезены въ степь. Подобное же несчастье случилось въ 1825 г. и съ казаками, которые везли изъ Самары хлѣбъ.*)

Въ 1723 г. шайка киргизъ и каракалпаковъ, состоявшая изъ 300 человѣкъ, явилась подъ самый Яицкій городокъ, захватила въ плѣнъ пятерыхъ казаковъ и угнала нѣсколько головъ скота.

Въ погоню за ворами погнались 150 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивана *Тимофеева*, но киргизы и сообщники ихъ каракалпаки успѣли скрыться въ свои улусы, и погоня вернулась ни съ чѣмъ.**)

На обратномъ пути въ Яицкій городокъ отрядъ казаковъ встрѣтился на р. Утвѣ съ новой толпой киргизъ, состоявшей изъ 300 человѣкъ, и вступилъ съ ними въ упорный бой. Казаки были разбиты, и пятеро изъ нихъ попали въ плѣнъ къ киргизамъ, что, между прочимъ, видно изъ донесенія въ военную коллегію Яицкаго казака *Михаила Бородина*, захваченнаго въ это время въ плѣнъ и проданнаго киргизами въ Хиву, откуда послѣ выкупилъ его прикащикъ казака Ивана Сидорова Лобика татаринъ Мамбетъ Мергеневъ за полтораста рублей.

Изъ архивныхъ бумагъ XVII ст. видно, что у Яицкихъ казаковъ на р. Утвѣ и за Утвою побоища съ киргизами бывали не рѣдко. Въ донесеніи казака *Михаила Бородина* важно для насъ указаніе, что еще до основанія *Оренбургской линіи* киргизы плѣняли русскихъ людей и для продажи отвозили ихъ въ Хиву. Несомнѣнно, что подобныхъ случаевъ было не мало, такъ какъ у киргизъ скоплялось иногда значительное количество русскихъ плѣнниковъ.

Разбирая вопросъ: принесло ли пользу Россій-

*) *ibid.* вып. 2-й, стр. 248.

**) *ibid.* вып. 2-й, стр. 249.

ской Имперіи принятіе въ подданство киргизъ — кайсаковъ, Рычковъ указываетъ, что съ принятіемъ ихъ въ подданство набѣги киргизъ, бывшіе столь частыми въ прежнее время на Башкирію, Казанскую и Симбирскую губерніи, не только пресѣклись, но и «бывшихъ у нихъ въ плѣну Россійскихъ подданныхъ, яко-то: Русскихъ, Каймыкъ, Башкирцевъ и другихъ, разными образами, съ 1742 года по 3-е число іюля 1754 г., высвобождено тысяча сто восемьдесятъ два человѣка. Да разныхъ націй, сихъ же бывшихъ въ полону, вышло двѣсти двѣнадцать, изъ которыхъ шестьдесятъ восемь человѣкъ воспріняли святое крещеніе.»*)

Это первыя историческія указанія о количествѣ русскихъ плѣнниковъ въ Средней Азіи.

Какія же причины заставляли киргизъ — кайсаковъ дѣлать набѣги на русскія владѣнія?

Собственно говоря вплоть до 1810 г. у киргизъ не было существенныхъ причинъ быть недовольными Россіей, между тѣмъ набѣги ихъ никогда не прекращались. Объяснять всѣ эти нападенія одной ихъ физической потребностью дикаго разгула и врожденною способностью къ грабежамъ — было бы несправедливо.

Мы уже видѣли, что киргизъ — кайсаки сбывали русскихъ плѣнниковъ въ Хиву. Это наводитъ на мысль, что Хива и киргизъ — кайсаки имѣли между собою какія-то общія связи. Дѣйствительно, тотъ же исторіографъ Оренбургскаго края Рычковъ говоритъ, что «у Хивинцевъ издавна было обыкновеніе хановъ своихъ тайнымъ образомъ умершвлять, когда увидятъ отъ нихъ себѣ озлобленіе, чѣмъ настоящую ханскую природу у себя вывели и уже нѣсколько лѣтъ берутъ въ Ханы изъ постороннихъ Салтановъ, какъ-то и нынѣ находится у нихъ ханомъ Киргизъ-

*) См. «Топографія Оренб. губ.» П. Рычкова, изд. 1887 г., часть I, стр. 112 — 113.

Кайсацкаго Батыря сынъ *Хаинъ*, а прежде былъ у нихъ Ханомъ же *Нурали* Салтанъ, сынъ Абульхайровъ, который послѣ того Киргизъ-Кайсацкимъ Ханомъ, на мѣсто отца его *Абульхайра*, пожалованъ, да и самъ Абульхайръ ханъ былъ у нихъ (хивинцевъ) Ханомъ же....*)

Помимо того, что киргизъ-кайсаковъ съ Хивой соединяли такія связи, какъ высшее управленіе ханствомъ, сами хивинцы, по свидѣтельству Рычкова, имѣли большой вѣсъ между среднеазіатцами.

«Ихъ почитали», говоритъ Рычковъ «какъ храбрыхъ и искусныхъ воиновъ и за древность происхожденія держали въ отмѣнномъ почтеніи; для того, какъ сказываютъ, Хивинскіе купеческіе караваны въ Бухарахъ или гдѣ бѣ ни были въ тамошнихъ странахъ пошлинъ никогда не платятъ, хотя оную у себя въ Хивѣ и со всѣхъ каравановъ собираютъ.»**)

Окруженная кочевыми и полукочевыми племенами, Хива такимъ образомъ издревле еще могла централизовать въ себѣ стремленія среднеазіатскихъ кочевниковъ къ постояннымъ междуусобицамъ и жаждѣ грабежей и наживы.

Выжеупомянутыя связи, равно какъ и постоянныя торговыя сношенія Хивы съ киргизами, у которыхъ она закупала лошадей за недостаткомъ своихъ, — все это какъ нельзя болѣе вліяло на ту отзывчивость, которую проявляли киргизы ко всему, что происходило въ Хивѣ или что имъ диктовалось въ той или другой формѣ изъ ханскаго дворца.

Тысячи русскихъ плѣнниковъ, которыхъ захватывали киргизы, судя по первымъ показаніямъ Рычкова, опять таки не столько нужны были киргизамъ, сколько, какъ увидимъ впослѣдствіи, для той же Хивы.

Вотъ почему всѣ вышеприведенныя нами сооб-

*) idib. Часть I, стр. 14—15.

**) — — — 13.

раженія даютъ намъ возможность заключить, что Хива уже съ давнихъ поръ встала во враждебныя отношенія къ Россіи и къ ея первымъ піонерамъ на юго-восточной окраинѣ — Яицкимъ казакамъ.

Слѣдовательно, первоначальные походы этихъ казаковъ имѣли основаніемъ не только одну жажду грабежей и наживы богатствами Хивы, но уничтоженіе или ослабленіе этого разбойничнаго гнѣзда, тайно подстрекавшаго сосѣднія съ Россіей киргизъ-кайсацкія орды къ грабежамъ, набѣгамъ и плѣненію Россійскихъ подданныхъ.

Подстрекаемые хивинцами киргизы продолжали свои враждебныя дѣйствія по отношенію къ русскимъ и въ послѣдующее время. Приведемъ нѣсколько примѣровъ конца XVIII и начала XIX ст., рисующихъ положеніе Оренбургскаго края.

Г л а в а II.

Въ своихъ интересныхъ запискахъ бывшій предсѣдатель Оренбургской пограничной комиссіи Григорій Федоровичъ *Генсз*, занесъ слѣдующее показаніе бывшаго въ плѣну Оренбургскаго мѣщанина *Якова Петрова*.*)

«Послѣ бывшаго въ Оренбургѣ въ 1787 г. большого пожара при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Осипѣ Андреевичѣ баронѣ Игельстромѣ онъ, Петровъ, косилъ на другой день вмѣстѣ съ другими сѣно противъ Каменнаго отряда. Въ 12 ч. пополудни на нихъ напали 600 киргизъ подъ предводительствомъ *Джанз-Чура-Батыря*; хищники захватили 70 человекъ обоого пола и 40 лошадей. Изъ числа плѣнниковъ они убили за рѣкой Ураломъ *Оренбургскаго казака Обухова* и одну беременную женщину. Перваго за то, что тотъ нисколько не думалъ сдавать-

*) Оренб. городская бібліотека, по каталогу № 281/109, рукопись Генса, книга XIV, стр. 153.

ся и все время оборонялся несмотря на то, что былъ уже раненъ, а вторую за то, что она не могла сидѣть на лошади. Остальнымъ связали руки за спину, а ноги скрутили подъ брюхо лошадей и поѣхали далѣе. Изъ города выслали погоню за киргизами и она уже была въ виду у плѣнниковъ, какъ вдругъ воротилась назадъ. Петръ на это сильно жалуется, «замѣчаетъ Генсъ, и изъясняетъ, что Осипъ, т. е. баронъ Игельстромъ, ихъ продалъ киргизамъ. На р. Илекѣ былъ сдѣланъ дѣлежъ плѣнникамъ и онъ, Петровъ, былъ проданъ другимъ 15 ти киргизамъ за 300 бараневъ.»

Разсказъ мѣщанина Петрова записанъ Генсомъ въ 1820 г.; изъ этого можно видѣть, какъ долго пробылъ Петровъ въ плѣну, скитаясь по степи.

Другой примѣръ характеризуетъ намъ, какъ слабо прививалось къ киргизамъ понятие о подданствѣ Россіи и съ какими трудностями сопряжены были поиски въ степи за мятежными киргизами.

Какъ извѣстно, съ подчиненіемъ въ 1734 г. Малой и въ 1740—41 гг. Средней киргизской орды право выбора хановъ осталось за киргизами, но утвержденіе ихъ въ этой должности, чрезъ Оренбургскаго военнаго губернатора, должно было повергаться на Высочайше утвержденіе Государя Императора.

Ханы имѣли свой диванъ или совѣтъ, свою печать (треугольной формы) и для почета, а главное для присмотра за ханомъ и охраненія его особы отъ часто случавшихся покушеній со стороны враждебныхъ киргизъ были приставлены къ нимъ особые отряды. При ханахъ Малой орды наряжались почетные караулы отъ Уральскаго войска и отчасти отъ Оренбургскаго, а при ханахъ Средней орды отъ Оренбургскаго. Впослѣдствіи, какъ напр. въ тридцатыхъ годахъ XIX ст., при султанахъ правителяхъ Большой и Средней части орды назначались изъ Оренбургскаго войска два отряда по 150 казаковъ

каждый при 6 урядникахъ. Мѣстопробываніе перваго назначалось на дистанціи *Усть-Уйской* крѣпости, а втораго *Верхнеозерной*.*)

Для утвержденія въ ханскомъ достоинствѣ выбранный ханъ обязанъ былъ являться въ Оренбургъ, гдѣ согласно выработанному церемоніалу провозглашался ханомъ въ присутствіи главнокомандующаго краемъ.

Въ 1806 г. ханомъ Меньшей орды былъ утвержденъ *Джантюра*. Между тѣмъ, въ 1807 г. ханскій совѣтъ этой орды донесъ князю Григорію Семеновичу Волконскому, что 7 мая 1807 г. народъ выбралъ въ ханы султана *Каратая*, почему они и просятъ для его утвержденія оффиціального согласія князя.**)

Что касается хана Джантюри, то совѣтъ упоминалъ въ донесеніи, что народъ ждалъ его на р. Хобдѣ, но что онъ по болѣзни не могъ туда явиться, почему они, по киргизскому обычаю, выбрали въ ханы упомянутаго Каратая, тѣмъ болѣе, что онъ разрѣшилъ всѣ ихъ споры, чего не могъ сдѣлать Джантюря.

Однако подкладка дѣла была совершенно другая. Киргизы ненавидѣли Джантюрю за его приверженность къ Россіи и за его передовые взгляды. Джантюря не стѣснялся русскаго общества, былъ еще при императрицѣ Екатеринѣ II на придворныхъ балахъ и даже танцевалъ на вечерахъ у князя Волконскаго.***)

Намѣреваясь хитростью заманить хана Каратая въ Оренбургъ, Волконскій въ іюлѣ 1807 г. писалъ

*) См. архивъ Оренб. Уч. Арх. К. Отдѣлъ пограничный. Дѣло 1835 г. «О росписаніи, сколько въ крѣпости и отряды Оренбургской линіи назначается казаковъ и б. шкирцевъ на лѣтнюю службу.»

**) См. тамъ-же «О командированіи въ киргизскую степь команды для усмиренія султана Каратая Нурали и о принятіи предосторожности по линіи отъ киргизскихъ нападеній» нач. 6 іюля 1807 г., кон. 10 февраля 1817 г., на 950 листахъ.

***) См. *Рукопись Ген. а.*, 4 вып., стр. 157.

Каратаю самое любезное письмо, гдѣ благодарить его за устройство порядка въ ордѣ, почему де и будетъ хлопотать объ его утвержденіи, равно благодарить за то, что ханъ самъ не призналъ еще своего утвержденія безъ согласія правительства и за вѣрять, что киргизы могутъ спокойно ѣздить къ *мльновому двору* (въ 1807 г. начата его постройка за р. Ураломъ), не опасаясь захвата. Что касается киргизскихъ плѣнниковъ, то Волконскій обѣщалъ доставить ихъ въ орду, при томъ однако условіи, если ханъ лично явится въ Оренбургъ; въ заключеніе князь писалъ, что онъ очень любитъ хана и проситъ по дружбѣ выслать задержанный Каратаемъ караванъ.

Однако хитрый ордынецъ не поддался на эту ловушку и не только не явился въ Оренбургъ, но и не возвратилъ захваченнаго каравана. Слѣдствіемъ этого была высылка вооруженнаго отряда въ степь

9 августа 1807 г. Волконскій предписалъ шефу Оренбургскаго гарнизоннаго полка генераль-маіору *Гартценбергу* вступить въ командованіе отрядомъ въ составѣ 200 человекъ рядовыхъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка, 2-хъ сотенъ Тептярскаго № 2 полка, 150 казаковъ Оренбургскаго казачьяго полка и войска, 300 казаковъ Илецкихъ, 500 башкирцевъ, 3 хъ орудій гарнизонной артиллеріи съ пристойнымъ числомъ офицеровъ.

Гартенбергу была дана составленная самимъ Волконскимъ подробнѣйшая инструкція, какъ поступать въ степи для лучшаго достиженія намѣченной цѣли.

«Для вящаго усиленія, писалъ Волконскій, слѣдующихъ съ Вами войскъ и для удобнѣйшаго захвата Каратая командировано будетъ къ Вашему Превосходительству 200 казаковъ Уральскихъ съ тамошней линіи, кои и соединятся съ Вами на р. Сагызѣ.»

Не смотря однако на всѣ предосторожности и

внушительную силу отряда въ 1550 человекъ при 3-хъ орудіяхъ, Каратай, пользуясь обширностью степей, малоислѣдованностью ихъ, равно избыткомъ коней и подножнаго корма, быстро откачивалъ въ глубь степей и заставилъ полковника Струкова командовавшаго передовымъ отрядомъ, отдѣляться на неопредѣленное разстояніе отъ главныхъ силъ, стоявшихъ на р. Эмбѣ, Недостатокъ провизіи, изнуренность лошадей передового отряда принудили отрядъ возвратиться въ Оренбургъ послѣ 400-верстнаго марша въ глубь степей.

Въ томъ же 1807 г. войсковой атаманъ Уральскаго войска генераль-маіоръ Бородинъ съ 400 казаками дѣлалъ поискъ за р. Эмбу, выступивъ изъ *Сарайчиковской* крѣпости. Но и этотъ поискъ кончился также: Каратай не былъ пойманъ.

Только спустя нѣсколько лѣтъ самъ Каратай прислалъ Волконскому письмо, прося забыть его грабежи и разбои и увѣряя, что болѣе онъ не позволить своимъ киргизамъ нападать на купеческіе караваны.

Неудачи въ поискахъ не лишили, однако, Волконскаго свойственной ему энергіи. Вотъ что писалъ онъ вновь утвержденному ханомъ Меньшей орды султану *Узбекъ Галею Нуралину*; «Къ удивленію моему усматриваю изъ донесенія Вашего отъ 27 февраля 1809 г., что Вы, степенный султанъ, ходатайствуете у меня за 5 человекъ воровъ—киргизцевъ Исентемирскаго и Адаевского рода, прорвавшихся на внутреннюю сторону для грабежей и пойманныхъ на семъ законопротивномъ ремеслѣ. Благоразуміе и знаніе правилъ, Высочайше Его Императорскимъ Величествомъ начертанныхъ, о прекращеніи дерзкихъ предпріятій киргизцевъ не должны

*) См. архивъ Ор. Уч. Арх. К. Отдѣлъ секретный. Дѣло о высылкѣ въ степь вооруженнаго отряда. Нач. 3 декабря 1822 г., на 710 л., стр. 20, гдѣ приводится указаніе П. К. Эссена о высылкѣ отряда въ 1809 г. для захвата мятежнаго хана Каратая.

101.
были бы допустить Васъ представлять у меня за виновныхъ киргизцевъ. Я удивляюсь Вашей неосновательности и требую отъ Васъ, какъ главнокомандующій здѣшнимъ краемъ, чтобы Вы не смѣли дѣлать мнѣ таковыхъ пустыхъ представлений, но старались бы удерживать ордынцевъ отъ злонамѣренныхъ ихъ покушеній. Вѣрьте мнѣ, что ни пространства степей, ни затрудненія по онымъ ни могутъ никогда положить преградъ въ наказаніи дерзновенныхъ. Посему предписываю Вамъ, степенный султанъ, обратите лучше вниманіе на приведеніе въ порядокъ и благоустройство киргизцевъ, къ Вамъ приверженныхъ, для ихъ собственнаго блага, а за грабительства стнудь не имѣть ходатайства, зная, что я всегда готовъ однимъ спокойнымъ и безмятежнымъ киргизцамъ оказывать мое покровительство. Оренбургъ, марта 10 дня 1809 г.»

На Нижне Уральской линіи происходили тѣ же явленія, что и на Оренбургской: киргизы угоняли скотъ и табуны казачьихъ лошадей, захватывали оплошныхъ, пускали палы или напольные огни, чтобы поджечь какой-нибудь форпостъ. или же заслониться степнымъ пожаромъ отъ преслѣдованія, грабили и захватывали казачье имущество, а подчасъ и людей для продажи ихъ въ Хиву, Бухару или Туркменамъ.

Казакъ тоже не оставались въ долгу и, не смотря на строгія запрещенія не переходить безъ разрѣшенія начальства р. Уралъ, пробирались тайкомъ на киргизскій берегъ, захватывали вліятельныхъ и богатыхъ киргизъ, или родственниковъ грабителей «за аманатовъ», отбивали зачастую ограбленное киргизами или же просто-на-просто уничтожали нехристей въ камышахъ, пуская въ дѣло арканъ, ножъ или пулю, а быстрый Уралъ очищаль эти камыши для новыхъ жертвъ.

Были случаи достойные вниманія.

Такъ, однажды, трое Уральскихъ казаковъ были

въ гоньбѣ подводѣ. За шесть верстъ до Харьковскаго форпоста напали на нихъ 20 киргизъ и захватили казаковъ въ плѣнъ, но одинъ изъ нихъ, Незыбинъ, спасся бѣгствомъ. Харьковского форпоста есауль *Солодовниковъ*, взявъ съ собою нѣсколько человекъ казаковъ, погнался за киргизами и верстахъ въ 30-ти нагналъ шайку въ степи. Сражаясь, онъ отбилъ плѣнныхъ казаковъ, причемъ было убито 8 киргизъ, а остальные ускакали въ степь. За усталостью лошадей Солодовниковъ прекратилъ преслѣдованіе и воротился въ форпостъ.

По донесеніи объ этомъ войскового атамана генералъ-маіора Бородина, князь Волконскій на рапортѣ отъ 14 декабря 1809 г. собственноручно написалъ: «Снабдить Солодовникова похвальнымъ листомъ, объявить ему благодарность въ присутствіи войсковой канцеляріи и обвѣстить все войско Уральское о таковомъ храбрѣ поступкѣ въ примѣръ другимъ, равнымъ образомъ и казакамъ, съ нимъ бывшимъ въ командѣ, объявить похвалу за ихъ храбрость черезъ Солодовникова.»*)

Мы не будемъ приводить массу другихъ подобныхъ происшествій на пограничныхъ линіяхъ, ихъ все равно не перечитаешь въ бумагахъ прошлаго и переслушаешь въ разсказахъ стариковъ, — мы перейдемъ теперь къ указанію, что Хива и въ болѣе позднѣйшіе времена осталась вѣрна своему прежнему враждебному отношенію къ Россіи, являясь главной виновницей набѣговъ киргизъ на Оренбургскую линію.

Г л а в а III.

Въ 1804 г. князь Волконскій представилъ им-

*) См. тотъ-же архивъ. Секретный отдѣлъ «Дѣло о выручкѣ есауломъ Солодовниковымъ казаковъ изъ плѣна.» Нач. 9 дек. 1809 г.

ператору Александру I свое мнѣніе объ экспедиціи въ Хиву и для поиска надъ грабителями киргизами.

Изъ поданной княземъ записки было видно, что:

1. Мѣры, приводившіяся доселѣ для искорененія грабежей киргизъ, оказались малоуспѣшными и даже почти безплодными.

2. Князь Волконскій дѣлалъ неоднократно увѣщеванія возвратить награбленное имущество и, если не получалъ отвѣта, то начиналъ грозить наказаніемъ. Киргизы притворялись испуганными, обѣщались возвратить награбленное, но вовсе не думали исполнять своихъ обѣщаній.

3. Князь Волконскій испробовалъ и старыя средства: отправлялъ къ хищникамъ письма съ довѣреннымъ лицомъ съ цѣлью убѣдить ихъ склониться къ мирнымъ занятіямъ, но киргизы обыкновенно посланцевъ задерживали; тогда Волконскій посылалъ письма къ хану — правителю, но тотъ отзывался, что киргизы вышли у него изъ повиновенія.

4. Князь Волконскій вполне соглашается съ замѣчаніемъ злѣшняго (Оренбургскаго) томоженнаго директора *Величко*, поданнымъ въ 1803 г. въ департаментъ при описаніи Хивы, и полагаетъ довольно основательнымъ доказательствомъ, что *«Хивинцы являются истинными заводчиками, производителями и поддерживателями сихъ грабежей, почему справедливѣе и болѣе всего надежно взыскать съ нихъ убытки купечества и издержки на ихъ правительствѣ.»*

5. Для выполненія этой цѣли Волконскій полагаетъ: сдѣлать экспедицію противъ Хивы и этой экспедиціи придать всю важность, каковую требуютъ слава Высочайшаго престола и польза государства. Численность войскъ онъ опредѣлялъ для этой экспедиціи отъ 12 до 15 тысячъ, раздѣливъ ихъ на четыре колонны и назначивъ мѣсто на границѣ, откуда каждая могла слѣдовать по особой дорогѣ къ пункту соединенія всѣхъ колоннъ.

6. По совершенному изготовленію экспедиціи къ походу и назначенію времени выступленія войскъ дать знать, чрезъ письменныя объявленія, киргизамъ, что Его Императорское Величество, истощивъ все милосердіе и благотворные способы для обращенія къ раскаянію своевольныхъ грабителей киргизъ, нашелъ необходимымъ наказать ихъ продерзости отправленіемъ для усмиренія ихъ воинской силы. Спокойнымъ же киргизамъ объявить, что они могутъ мирно заниматься своимъ трудомъ и только старались бы объявлять о мѣстоахожденіи виновныхъ киргизъ. Послѣднимъ же послать предписаніе немедленно явиться къ начальнику края съ повинною и покориться распоряженіямъ начальства.

7. Хану Меньшей орды Джантюрь приказать выступить въ походъ съ 200 отборнѣйшихъ своихъ воиновъ, соединиться съ корпусомъ, быть его колонновожатымъ и доставлять прокормленіе.

8. Взятыхъ въ плѣнъ мятежныхъ старшинъ отправить за стражею въ Оренбургъ, а оттуда въ Сибирь на вѣчное житіе.

9. Князь Волконскій полагалъ, что этими строгими, но на точной справедливости основанными поступками искоренится гнѣздо грабителей, произведется въ киргизахъ спасительный страхъ и они не отважатся болѣе оскорблять честь Россіи; имъ же возстановится тишина и порядокъ въ нѣдрахъ окружающихъ народовъ.

10. Достигнувъ кочевья киргизъ по ту сторону Сыръ Дарьи къ Каракалпакамъ, обнадежить ихъ, что войска Его Императорскаго Величества идутъ только для преслѣдованія грабителей киргизъ.

11. Продовольствіе опредѣлялась на три мѣсяца сухарями съ толчеею, которые должны были быть подняты на верблюдахъ, предоставленныхъ, киргизами.

12. Отрядъ долженъ былъ имѣть сообщеніе съ Оренбургомъ посредствомъ летучихъ постовъ. И на-

конецъ, *время* для выступленія экспедиціи князь Волконскій считалъ за лучшее половину сентября, когда уменьшаются жары, подножный кормъ исправляется, а хлѣбопашество у хивинцевъ будетъ къ приходу войскъ закончено, и для продовольствія войскъ въ тѣхъ мѣстахъ найдется по выраженію князя, «всякая удобность.»

Вотъ главные основанія проекта Волконскаго о походѣ въ Хиву, приведенныя нами почти дословно по ихъ важному значенію для изслѣдованія походовъ въ Хиву вообще и въ частности генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго въ 1893 — 40 г.

Нельзя не признать, что проектъ этотъ былъ бы вполне соответствующимъ для достиженія благоприятныхъ результатовъ экспедиціи отчасти уже потому, что время выступленія опредѣлялась въ половинѣ сентября, а не въ концѣ ноября, какъ было въ несчастную экспедицію Перовскаго.

Согласно вышеупомянутому проекту Волконскаго ему была разрѣшена постановленіемъ комитета министровъ 19 августа 1804 г., пунктъ 15, высылка вооруженныхъ отрядовъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія по его усмотрѣнію, идея же о походѣ въ Хиву была оставлена безъ осуществленія.

Черезъ 10 лѣтъ, при томъ же князѣ Волконскомъ, комитетъ министровъ журналомъ на 26 сентября 1814 г. воспретилъ высылку вооруженныхъ отрядовъ въ степь. Чѣмъ было вызвано подобное распоряженіе, для насъ неизвѣстно, но только вскорѣ по вступленіи въ управленіе краемъ генерала отъ инфантеріи Петра Кирилловича Эссена послѣдній въ рапортѣ своемъ императору Александру I, отъ 3 ноября 1818 г. за № 42, доносилъ, что по сообщенію Малой киргизъ-кайсацкой орды султана *Арун-газія Абдулазіева* ханъ хивинскій Мугамедъ-Рахимъ за два года передъ тѣмъ опустошилъ киргизскіе аулы.

«Вооружая народы, онъ имѣетъ цѣлію истреб-

леніе киргизъ, которые противятся его намѣреніямъ, чтобы они нападали на караваны и грабили области независимой Татаріи. Онъ, Арунгузы, просить защиты, а между тѣмъ послалъ хану хивинскому депутацію съ покорностью, дарами и испрошеніемъ пощады. Это подтверждается пограничнымъ конфидентомъ и отзывомъ бухарскаго посланника и слезною жалобою купцовъ, ибо въ январѣ 1817 г. ханъ Мугамедъ-Рахимъ выслалъ войско къ урочищу Буканъ и ограбилъ купеческій караванъ, шедшій изъ г. Троицка въ Бухару, причемъ было убито: 3 нашихъ татаръ, 4 бухарскихъ куца и 40 киргизъ. Разграблено товару у бухарскихъ купцовъ на 50 тысячъ червонцевъ, у русскихъ купцовъ Лазарева и Якушева на 127 тысячъ, да у киргизовъ отбито 2000 верблюдовъ и 30000 барановъ.

«Сообщивъ сіе подробно», доносилъ Эссенъ управленію министерства иностранныхъ дѣлъ, «я всеподданнѣйше прошу на выводъ въ киргизскую степь для защиты киргизцевъ и безопасности караванныхъ путей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по моему личному усмотрѣнію прямая и необходимая надобность будетъ, требовать изъ ввѣреннаго мнѣ корпуса отрядъ съ артиллеріей, соразмѣрно цѣли и подъ начальствомъ надежныхъ чиновниковъ. На что имѣю ожидать высочайшаго повелѣнія въ разрѣшеніе журнала комитета гг. министровъ 26 сентября 1814 г., коимъ предмѣстнику моему, генералу отъ кавалеріи князю Волконскому, рѣшительно воспрещены подобныя движенія воинскихъ командъ.»

Только по неоднократнымъ ходатайствамъ Эссена ему наконецъ было разрѣшено высылать вооруженные отряды въ степь.

Высочайшій указъ, состоявшійся 31 марта 1823 г. въ Царскомъ Селѣ и разрѣшавшій начальнику края означенную высылку, предусматривалъ также и отраженіе киргизъ на «линіи» силою и преслѣдованіе ихъ за линію *«на разстояніи одной*

дня пути» съ безусловнымъ и стражайшимъ запрещеніемъ дѣлать при этомъ «*баранту*», т. е. грабежъ киргизскаго имущества.

При Эссенѣ же начинаются изслѣдованія пути къ Хивѣ, военныя рекогносцировки и т. п. Такъ, въ 1818 г. онъ командировалъ поручика Башкирскаго войска *Субхангулова* въ Хиву съ цѣлью составить подробный маршрутъ пути со всѣми встрѣчающимися на немъ рѣчками, лѣсами, колодцами, рощами и т. п.

Субхангуловъ, выѣхавъ изъ Оренбурга 10 іюня, возвратился изъ Хивы 13 октября, сдѣлавъ, по его расчету, переходъ къ Хивѣ въ 1329 верстъ. Журналъ, веденный имъ, и замѣтки его крайне интересны въ историческомъ отношеніи.

Необходимо указать, что правительство еще со временъ Екатерины II держалось крайне осторожной политики по отношенію киргизъ-кайсаковъ.

Доказательствомъ этому служить слѣдующій фактъ.*)

Главный начальникъ Оренбургскаго края, тайный совѣтникъ Авраамъ Артемьевичъ князь *Путятинъ*, побуждаемый усиливающимися набѣгами киргизъ на Оренбургскую линію, ходатайствовалъ передъ правительствомъ о наказаніи хивинскихъ хищниковъ вооруженною силою.

Въ отвѣтъ на это представленіе былъ полученъ на имя князя изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ указъ отъ 25 января 1776 г., подписанный Н. Панинымъ и К. А. Голицынымъ.

Въ указѣ этомъ говорилось, что хотя коллегія и соглашается съ мнѣніемъ князя Путятина нака-

*) См. тотъ же архивъ. Секретный отдѣлъ. Дѣло за 1828 г. «По представленію Оренбургской Пограничной Комиссіи о разрѣшеніи задерживать Азіатскихъ купцовъ и караванъ-башей, первыхъ за покунку русскихъ пѣшниковъ, а вторыхъ за провозъ ихъ въ азіатскія каневы». Нач. 20 іюля 1828 г., конч. 3 марта 1830 г.

зывать «продерзости ордынцевъ», какъ и всякаго русскаго подданнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ принимать во вниманіе и «невѣжество азіанъ», ибо по пунктамъ, въ коммерцъ-коллегіи сочиненнымъ и Сенатомъ апробованнымъ, постановлено: «въ разсужденіе невѣжества и неискусства азіатцевъ всегда при погрѣшностяхъ ихъ поступать снисходительно, дабы тѣмъ въ желаемомъ расширеніи коммерціи не причинить помѣшательства и не отлучить азіанъ вовсе отъ Оренбургскаго торговаго, но паче придать къ тому торгу вящую охоту....»

Въ томъ же дѣлѣ имѣется письмо директора азіатскаго департамента Конст. Конст. Рудофиникина къ Петру Кирилловичу Эссену отъ 31 августа 1828 г., въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Водвореніе совершеннаго спокойствія въ киргизскихъ аулахъ представляется единственнымъ средствомъ къ прекращенію хищничества въ степи и по линіи. Для достиженія сей благой цѣли правительство положило уже намѣреніе, при удобныхъ обстоятельствахъ, сдѣлать поискъ на Хиву, питающую издавна въ киргизахъ духъ своевольства и грабежей. Вы, конечно, изволите согласиться, Милостивый Государь, со мною, что доколѣ не исполнится предположеніе сіе, едвали увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ наши усилія къ пресѣченію увоза въ неволю россиянь.» Далѣе Рудофиникинъ пишетъ, что согласно постановленію комитета министровъ въ 1802 г. онъ не можетъ допустить, чтобы были захватываемы и тѣ киргизы, которые прибыли на мѣну въ Оренбургъ съ ограбленнымъ товаромъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ министру о той «нестерпимой наглости, съ которой киргизы и караванъ-баши и азіатскіе купцы, по отбытіи съ мѣновыхъ дворовъ, принимаютъ въ киргизской степи русскихъ плѣнниковъ и бѣглыхъ, доставляя ихъ въ Хиву и далѣе по назначенію.»

Не смотря, однако, на въ высшей степени по-

кровительственное отношеніе нашего правительства къ киргизъ-кайсакамъ, послѣдніе очень мало подавались на сближеніе съ Россіей.

Прошло почти столѣтіе со времени принятія орды, но этотъ *«ключъ и вратъ въ Среднюю Азію,»* по выраженію Петра Великаго, все еще очень слабо держались въ рукахъ правительства. Какъ мало утвердились киргизы въ понятіи о подданствѣ Россіи, видно изъ словъ упоминаемаго нами выше Г. Θ. Генса.

«Киргизецъ, пойманный на разбоѣ, почитаетъ себя неправильно притѣсненнымъ, когда его содержать подъ стражею: онъ исполняетъ правила закона своего, а его хотятъ наказать. Какъ ему не роптать?! Съ разбоя онъ приходитъ на мѣновой дворъ. Здѣсь его никто не смѣетъ трогать, тутъ онъ видитъ дѣйствіе закона справедливаго, потому что онъ не противенъ алькорану.

Его садятъ въ острогъ при другихъ обстоятельствахъ. Здѣсь онъ видитъ злоупотребленіе власти и злится. Въ острогъ его никто не смѣетъ бранить; ему это кажется весьма естественнымъ, потому, что онъ правотѣрный, а окружающіе его «кафыри» (невѣрные), «сабаки». Поэтому онъ и не забываетъ никогда ни малѣйшей обиды и часто за одно слово мститъ смертію.

Всѣ чиновники россійскіе обходятся съ киргизами осторожно, опасаясь жалобъ, влекущихъ за собою великія непріятности. Киргизъ почитаетъ это справедливымъ уваженіемъ его вѣры и свободнаго состоянія и тѣмъ болѣе злится, когда кто либо, особливо изъ простолюдиновъ, осмѣливается косо на него взглянуть.

Въ городѣ Оренбургѣ ему даютъ кормовыя деньги. Онъ почитаетъ это данью, знакомъ, на который полагаетъ имѣть право по наслѣдству; и самое владѣніе Россіею странами заволжными онъ почитаетъ временнымъ послѣдствіемъ усилившагося врага, и этихъ то людей мы почитаемъ виновными поступками!?»

Въ этихъ словахъ Генса есть много горькой правды и она еще разъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что далеко не всѣ киргизы раздѣляли желаніе Абуль-Хаиръ-Хана о вѣчномъ подданствѣ Россіи.

Опредѣляя характеръ отношеній Хивы къ Россіи и къ подвластнымъ послѣдней киргизъ-кайсакамъ, нельзя упустить изъ виду одинъ эпизодъ изъ пограничной жизни Оренбургскаго края, надѣлавшій столько переполоха на линіи и по своимъ обстоятельствамъ обратившій на себя особенное вниманіе Оренбургскаго начальства.*)

1-го іюля 1823 г. на внутренней Самарской линіи, между Платовскимъ редутомъ и крѣпостью Переволоцкой, было сдѣлано нападеніе пятерыхъ киргизъ на проѣзжавшихъ по линіи двухъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ—есаулъ Оренбургскаго казачьяго войска Подуровъ—ѣхалъ по дѣламъ службы въ г. Самару, другой—только что произведенный прапорщикъ Медвѣдевъ—ѣхалъ въ Оренбургъ на службу въ № 73 гарнизонную артиллерійскую роту.

Нападеніе было сдѣлано часовъ около 7 утра, причемъ есаулъ Подуровъ, защищавшійся противъ киргизъ, былъ тяжело раненъ пикой въ правое плечо и ногу и затѣмъ топоромъ въ голову. вмѣстѣ съ офицерами были захвачены въ плѣнъ: ѣхавшій съ Подуровымъ казакъ—малолѣтокъ Кожевниковъ и ѣхавшіе съ прапорщикомъ Медвѣдевымъ ямщикъ Матюковъ и денщикъ Михайловъ.

*) 1) Рукопись Генса, 4 вып., стр. 221—236.

2) Войсковой архивъ Оренб. каз. войска «Формулярные списки о службѣ и достоинствахъ офицеровъ и заурядъ—чиновниковъ Оренб. каз. войска 2 дистанціи. Составл. къ 1 января 183 г.» стр. 424.

3) Архивъ Оренб. Уч. Арх. Ком. «Дѣло о плѣненіи есаула Подурова и прапорщика Медвѣдева.» Нач. 14 іюля 1823 г. конч. 5 сентября 1829 г., на 779 л.

4) Тамъ же «Дѣло о увлеченіи киргизами въ плѣнъ есаула Подурова и прапорщика Медвѣдева и о пропавшемъ безъ вѣсти въ ордѣ урядникъ Пашковъ, ѣздившемъ для ихъ освобожденія.» Нач. 5 іюля 1823, кон. 9 апрѣля 1828 г., на 494 л.

5) Войсковой архивъ. «Объ увлеченіи неизвестными людьми есаула Подурова.» Нач. 5 іюля 1823, кон. 9 октября 1825 г., на 92 л.

Первоначальная цѣль грабителей — киргизъ заключалась въ освобожденіи, посредствомъ обмѣна плѣнниковъ, одного родственника киргизъ, который находился въ Оренбургскомъ острогѣ и предназначался для отправленія на поселеніе въ Сибирь.

Столь дерзкое нападеніе киргизъ сильно встревожило какъ самого военного губернатора Эссена, такъ и все Оренбургское начальство. Для розыска плѣнниковъ были приняты самыя энергическія мѣры; между прочимъ для освобожденія офицеровъ вызвался добровольно ѣхать въ степь, урядникъ Угольной станицы (нынѣ Богуславская) Оренбургскаго казачьяго войска Петръ Андреевъ Плѣшковъ, въ преданіяхъ казаковъ извѣстный болѣе подъ фамиліей Петровъ.

Изъ донесеній урядника Плѣшкова оказалось, что есауль Подуровъ изъ рукъ своего первоначальнаго хозяина — киргиза *Чоки* перешелъ къ извѣстному въ Илецкомъ районѣ мятежному хану Ютаману Тіянчину (Джуламану батырю). Мы не будемъ касаться всѣхъ подробностей освобожденія плѣнниковъ; скажемъ только, что за исключеніемъ безъ вѣсти пропавшаго денщика Михайлова и задержанныхъ у Джуламана есаула Подурова и урядника Плѣшкова, который ѣздилъ къ хану вторично уже съ конфидентомъ-хорунжимъ 11-го башкирскаго кантона муллою Биккининымъ, — всѣ остальные плѣнники были освобождены и доставлены на линію, благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ приверженныхъ къ Россіи киргизскихъ старшинъ и султановъ.

Для насъ важно указать, что съ переходомъ есаула Подурова въ руки Джалумана, какъ самое дѣло о плѣненіи Подурова, такъ затѣмъ и о задержаніи въ аулахъ Джуламана урядника Плѣшкова, приняло характеръ политическаго событія, опредѣлившаго причины враждебнаго отношенія киргизъ къ Россіи и степень участія въ этомъ Хивы.

Еще въ первую поѣздку на розыскъ есаула По-

дурова и прапорщика Медвѣдева урядникъ Плѣшковъ получилъ 6-го августа письмо отъ Джуламана для передачи его военному губернатору Эсену и строгій наказъ выслать ему немедленно киргиза, который находится въ Оренбургскомъ острогѣ.

Въ письмѣ къ Эсену Джуламанъ раскрылъ главныя причины неудовольствія киргизъ противъ Россіи.

«Твердо надѣмся,» писалъ онъ, «что высочайшая Его Императорскаго Величества воля не должна быть въ томъ, чтобы поступать съ нами такимъ наглымъ образомъ; въ какомъ случаѣ я, тарханъ, съ прямого Вашего усердія прошу уступить намъ по-прежнему Рынь — пески и земли по рѣкѣ Узенѣ, занимаемыя нами подъ кочевку, какъ по зимнимъ, такъ и по лѣтнимъ временамъ, и степную сторону р. Урала, да и рѣку Илекъ по обѣимъ сторонамъ, исключая одну только Илецкую Защиту; всѣ же форпосты и отряды, учрежденные по онымъ мѣстамъ, снять, а ежели сего учинить самимъ Вамъ невозможно, то прошу я всеподданнѣйше представить о семъ Его Императорскому Величеству. И такъ за невозвращеніемъ изъ С.-Петербурга посланниковъ нашихъ султана Арунгазія Абулгазіева и тархана Юсуфа Сарымова ордынцы наши причитаются весьма недовольными, не вѣдая о томъ, по какой причинѣ Государь Императоръ возвратится имъ сюда высочайше не позволяетъ; когда бъ сіи наши настоянія уважили и приняли во вниманіе, то тогда бы мы, конечно, представиться могли Его Императорскому Величеству предовольными, а инако ордынцы наши отнюдь спокойными и довольными быть не могутъ.

И такъ, если желательно Вамъ завести съ нами дружбу и усердіе Ваше присовокупить съ нашимъ усердіемъ, то въ такомъ случаѣ отправьте къ намъ пре-надежнаго чиновника, Въ увѣреніе чего я, тарханъ Юламанъ Тіянчинъ, за неимѣніемъ собственной пе-

чати, приложилъ принадлежащую умершему брату моему Бустубай тархану, а старшина Кульмугаметъ Джаныбековъ собственную имянную.»

Мы уже упоминали, что урядникъ Плѣшковъ былъ вторично командированъ Эссеномъ къ Жуламану. 24 августа онъ и посланный съ нимъ мулла Биккининтъ, близкій пріятель Джуламана, были уже въ ханскихъ аулахъ. Но то, что составляло предметъ страстнаго желанія Юламана — письма отъ военнаго губернатора не было получено. Полномочному представителю власти въ Оренбургскомъ краѣ, конечно, казалось унизительнымъ переписываться съ разбойникомъ и самозваннымъ ханомъ.

Однако Юламанъ настаивалъ на своемъ и 3 сентября составилъ къ Эссену новое «всеподданнѣйшее прошеніе батыря Юламана и его родственниковъ.» въ которомъ объяснялъ, что еще въ 1822 году онъ посылалъ къ губернатору письмо, гдѣ доносилъ о нижеслѣдующемъ.

«1-е. При Абуль-Хаиръ-Ханъ киргизамъ дано было право пользоваться сѣнокосами на внѣшней сторонѣ р. Урала и рыбными ловлями въ половину той же рѣки; до 1810 года киргизы владѣли этимъ правомъ безпрепятственно, но послѣ того Россія заняла р. Илекъ, воздвигла форпосты и издала запрещеніе пользоваться предоставленными въ прежнее время мѣстами, а мы, писалъ Юламанъ, съ немалыми аулами въ степяхъ, неимѣющихъ ни лѣсовъ, ни хорошей воды, претерпѣваемъ нужду.

2-е. На степяхъ Рынь пески около р. Узени и Самары нынѣ Россія имѣетъ большіе караулы, которые въ скотоводствѣ дѣлаютъ киргизамъ стѣсненіе, а потому мы просили снять форпосты и караулы, но разрѣшенія не получили. Вторично просили мы разрѣшенія владѣть тѣми мѣстами, какъ было до 1810 года, и степями между р. Ураломъ и Илекомъ безпрепятственно пользоваться, но также отвѣта не получили. Не знаемъ также, гдѣ нашъ

султанъ Арунгазіи Абулгазіевъ, и просимъ его возвратить.

Того же 3-го сентября, когда написано было это прошеніе, составлено было донесеніе отъ Юламана Тіанчина и его родственниковъ—Куилу Магометъ Джаныбекова и Джанали Инбаева. Въ донесеніи Юламанъ писалъ, что въ 1822 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ ѣздилъ къ нимъ сотникъ 9-го башкирскаго кантона *Искаковъ* съ цѣлью узнать желанія киргизъ.

Желанія эти были изложены въ письмѣ къ губернатору Эссену, отправленномъ съ тѣмъ же сотникомъ. 6 Августа 1823 г. пріѣзжалъ урядникъ Плѣшковъ за есауломъ Подуровымъ, но какъ отвѣта на первое письмо не было получено, то написалъ онъ, Юламанъ, второе и съ нимъ, Плѣшковымъ, отправилъ въ Оренбургъ, приказавъ ему доставить Тюленбая Кундукова.

«Нынѣ его привезъ Плѣшковъ съ нѣкоторыми султанами, однимъ старшиною и однимъ муллою Биккининымъ, но отъ Васъ письменнаго увѣдомленія не получили, почему и усумнились, что они есть Ваши посланные, для чего отправляемъ къ Вамъ одного муллу, а Плѣшкова и султановъ задерживаемъ, съ третичнымъ прошеніемъ о нуждахъ нашихъ и съ симъ же муллою просимъ увѣдомить; по полученіи же отвѣта тотчасъ всѣхъ отпустимъ и впредь покорнѣйше просимъ при подобныхъ случаяхъ присылать къ намъ съ бумагою, ибо много есть людей неблагомыслящихъ, которые подъ разными предлогами разъѣзжаютъ по ордѣ ко вреду всего киргизскаго общества.»

Положеніе Подурова въ плѣну казалось безвыходнымъ: Джуламанъ, видимо, неудовлетворился распоряженіемъ Эссена объ освобожденіи находившагося въ острогѣ Тюленбая, родственника киргизамъ, плѣнившимъ есаула Подурова, и предъявлялъ такія требованія, на которыя отвѣтить было крайне затруднительно. Вотъ почему Подуровъ въ письмѣ

отъ 2 сентября къ одной особѣ (фамилія не указана), стоявшей, вѣроятно, близко къ Эссену, между прочимъ, писалъ: «Изъясненное въ прошеніи ихъ я знаю, что есть дѣло невозможное, но чтобъ ба-тырь тотъ отпустилъ меня и остающихся здѣсь киргизъ, сдѣлайте милость упросите Петра Кирилловича, чтобъ ему теперь отказа не писать, а сказать, что оное прошеніе представится государю, и что оттуда послѣдуетъ, онъ особливо будетъ увѣдомленъ.»

Конфидентъ хорунжій Биккининъ отправился съ письмами Джуламана въ Оренбургъ и возвратился 13 октября въ ханскіе аулы, расположенные на р. Сагызѣ.

Съ муллою Биккининымъ пріѣхалъ въ аулы и купецъ — армянинъ Гавріиль Шахмировъ, торговавшій на мѣновомъ дворѣ. Оба они везли съ собою подарки для Юламана, на сумму 327 руб. асс., отпущенные по распоряженію Эссена для «вящаго успѣха освобожденія плѣнниковъ.»

Джуламана въ аулахъ не было; онъ былъ на разыскѣ пропавшихъ изъ его табуна лошадей. Въ его отсутствіе, продолжавшееся двѣ недѣли, родственники и союзники Юламана составили заговоръ, на которомъ было рѣшено не выдавать плѣнниковъ, но отправить Подурова и Плѣшкова въ подарокъ Хивинскому хану Магометъ-Рахиму, а взаменъ этого получить изъ Хивы ружья, которыхъ у нихъ не было, и, заручившись его союзомъ, вмѣстѣ съ нимъ бороться противъ Россіи.

Юламанъ наконецъ возвратился, но былъ крайне возмущенъ, что отвѣта на его письмо не было получено, а вмѣсто того ему пограничная комиссія сообщала, что для дальнѣйшихъ переговоровъ онъ будетъ получать указанія черезъ султана — правителя Ширгази Айчувакова, котораго, необходимо замѣтить, Джуламанъ не только не признавалъ за правителя, но ненавидѣлъ за двоедушную политику, происки и разореніе киргизъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мулла Бикиннинъ, судя по дознанію, произведенному въ послѣдствіи начальникомъ кордонной стражи Новоилецкой линіи есауломъ Оренбургскаго казачьяго войска Степаномъ Дмитріевичемъ Аржанухинымъ, игралъ какую-то подозрительную роль въ дѣлѣ освобожденія Подурова; они наговорилъ Джуламану про урядника Плѣшкова, какъ про опаснаго человѣка, который можетъ раскрыть тайныя ихъ продѣлки и который уже намѣревался бѣжать изъ аула, захвативъ съ собою есаула Подурова, и что наконецъ султаны и старшина, пріѣхавшіе съ Плѣшковымъ, участвовали въ этомъ заговорѣ.

Все это настолько озлобило Юламана, что онъ собралъ всѣхъ плѣнниковъ къ своей кибиткѣ, разразился цѣлымъ потокомъ ругательствъ и въ заключеніе пригрозилъ имъ смертію, а Плѣшкову и султану Баймухаметь Айчувакову отрѣзаніемъ ушей и носа.

Изъ записокъ Генса оказывается, что Юламанъ имѣлъ тайныя сношенія съ Хивой, и что «хитрый татаринъ,» какъ характеризуетъ Генсъ муллу Бикинина, имѣлъ случай узнать содержаніе письма къ Хивинскому хану Магометъ -- Рахиму, состоявшаго въ слѣдующемъ: Джуламанъ увѣдомляетъ хана, что невѣрные Россіяне находятся въ войнѣ съ ними и другими киргизами, отнявши прежде рѣку Илекъ, что прошедшимъ лѣтомъ высланы были въ степь три отряда Россійскихъ войскъ, но что онъ одинъ изъ сихъ трехъ отрядовъ разбилъ совершенно и что остальные два, узнавъ о томъ, убѣжали. Побѣду сію Джуламанъ почиталъ доказательствомъ, что войска Россійскія не страшны, тѣмъ болѣе, что онъ безъ всякой потери отнялъ множество лошадей и взялъ въ плѣнъ много людей. Далѣе, онъ проситъ хана, чтобъ тотъ позволилъ ему кочевать близъ Хивы на земляхъ, занимаемыхъ трухменцами, обѣщается быть вѣрнымъ его подданнымъ и надѣется, что они сово-

купно могутъ успѣшно воевать съ Россіею и разорить всю Оренбургскую линію.

Предположенія Джуламана и его приверженцевъ остались не осуществленными, но хитрый азіатъ въ освобожденіи Подурова видѣлъ извѣстную выгоду и послѣдній послѣ 4-мѣсячныхъ страданій и лишеній 1 го ноября 1823 г. былъ освобожденъ, что же касается доблестнаго урядника Плѣшкова, то, какъ видно изъ дѣла, онъ пропалъ безъ вѣсти и, вѣроятно, былъ убитъ киргизами. Въ запискахъ Генса занесено преданіе, что Плѣшковъ былъ изрубленъ въ куски и сваренъ въ котлѣ.

Приведенный эпизодъ о плѣненіи есаула Подурова достаточно обрисовалъ ту опасность, каторой подвергались прилинейные жители. Плѣненіе по Оренбургской и Уральской линіи и внѣ этихъ, пограничныхъ чертъ русскихъ людей, по неосторожности или случайности подвергавшихся нападеніямъ киргизъ, яркою чертою приходитъ по всей исторіи Оренбургской пограничной жизни. За спиною этихъ пограничныхъ хищниковъ стояли могущественныя въ то время Среднеазіатскія государства-Хива, Бухара и Коканъ. Приобрѣтеніе для нихъ рабовъ-плѣнниковъ было даже существенно необходимо.

Вотъ что говорилъ по отношенію къ Хивѣ извѣстный путешественникъ А. Вамбери въ 1863 г. «Къ базарамъ слѣдуетъ также отнести Кичикъ-караванъ сарай, гдѣ продаются рабы, доставляемые Трухменами изъ народовъ Текке и Юмудъ Безъ этой отрасли торговли существованіе самой Хивы было бы не мыслимо, такъ какъ земля исключительно обрабатывается рабами». Громадный контингентъ плѣнныхъ доставляла всегда Персія, сѣверо-восточныя окраины которой постоянно страдали отъ набѣговъ Туркменъ. Вамбери въ названномъ выше году насчитывалъ ихъ до 40 тысячъ человекъ.

Среди плѣнниковъ въ Хивѣ не мало было и русскихъ. Для характеристики ихъ положенія при-

водимъ ниже письмо изъ Хивы на имя Оренбургскаго военнаго губернатора, найденное нами въ одномъ изъ дѣлъ пограничнаго отдѣла архива Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1831 г.

Письмо написано на листѣ плотной синей бумаги и помѣчено 11 іюня 1831 г.

«Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь и благодѣтель, Уфимскій Оренбургскій губернаторъ, чувствуя предмѣстника Вашего благодѣнія осмѣливаемся и Васъ, Ваше Высокопревосходительство, просить принять хивинско-плѣнныхъ безвинно-страждущихъ, единственно только за вѣру христіанскую, усерднѣйшее наше прошеніе. Вамъ извѣстно, писано въ святомъ евангеліи рече Господь: «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть, и не радить объ овцахъ». Едино понудило насъ просить Вашего Высокопревосходительства, яко Господь нашъ рече: ищите и обрящете, толците и отверзятся Вамъ, всякъ бо просящій приѣмлетъ, толцей обрящеть, и причину сію приложите Вы нашъ отецъ и богомолецъ страданія ради о насъ страждущихъ въ неволѣ и проходящихъ жизнь безпокойную и безурочную, и примите на память евангелическую притчу: человекъ нѣкій имъ сто овецъ и едина погибе отъ нихъ въ горахъ, не оставитъ ли онъ девять десять девять и въ горахъ ищетъ и обрѣте едино оное погибающее и возвеселится о немъ, паче нежели о непогибающихъ девяти десять девять, чѣмъ же и мы просимъ Ваше Высокопревосходительство поискать нашихъ погибающихъ душъ и присочетать ко стаду словесныхъ овецъ, которые присно сохраняемы наставляемы Вашемъ ученіемъ; сколько бы возрадовалась Православная Греко-Россійская церковь о возвращеніи нашемъ, паче начали о блудшемъ сынѣ и Вы бы тогда возвысили гласъ свой среди церкви: Се азъ и дѣти яже ми далъ Богъ! Яко съ нами Богъ! но и мы всепокорнѣйше слезно просимъ Ваше

Высокопревосходительство послѣдовать евангельской притчѣ, глаголемой отъ Спасителя нашего: человекъ нѣкій сходе о Ерихона, впаде въ разбойники, лежа обнажився, его зело и ранима и еле жива оставиша, отидоша—священникъ же нѣкій сходя тѣмъ путемъ иже видя его, мимо иде, такоже и левитъ мимо иде. Самарянинъ же нѣкій приде нань и обе- за его струпья, взявъ на свой скоть и приведе его въ гостинницу и даде гистинику златицу да приле- жить о немъ. Гостинника же мы иного кого приз- наемъ кромѣ Ваше Превосходительство—вы есть гостиникъ и пастырь словесныхъ овецъ и свѣтъ мі- ра и соль земли, еще соль восмердитъ, то чѣмъ можемъ осолиться, аще Вы оставите насъ заплѣннен- ныхъ, душою и тѣломъ страждущихъ на странѣ со- пасующихъ свиней, яко блудный сынъ, тако и мы снабдеваемъ своими трудами и кровавымъ потомъ, то уже некому прибѣгнуть и призвать себѣ на по- мощь окроме единого Всевышняго нашего Бога, ко- торый дѣйствовалъ пророкомъ царемъ Давыдомъ, глаголющимъ во псалтыре: не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человеческіе, въ нихъ же нистъ спасенія и при томъ заключаемъ сие наше усердное и слезное прошеніе припадшими стопами нохъ вашихъ просимъ вначалѣ Всевышняго нашего Бога чтопъ внушилъ вамъ о насъ бѣдныхъ и коснулся-бъ Вашему Высокопревосходительству сердцу припо- дать совѣтъ нашему великому Императору Николай Павлочу, якоже Иванъ Златоустой Царю Аракадію, при семъ же просимъ отъ вышнихъ чиновъ и до нижнихъ свѣтскаго и духовнаго представительства сожалеите о насъ заплѣненныхъ страждущихъ въ ба- сурманскихъ земляхъ, мы же свою жизнь ничему приложить можемъ, кроме только что нетъ той тра- вы полыне горче въ россейской степе и нетъ той нужная и жестоко безпокойной и безурядной жиз- ни въ басурманской земле, но и траву полынь не- сколько медомъ усладить можно, а наши присохшіе

и кровію запикающія уста ничемъ не можемъ прихладить.

Что-жъ касается до количества плѣну въ здешнемъ Хивинскомъ юрту, послѣ счисленія находятца 1800 человекъ. Да и мы почитаемъ тоже не менне будетъ того, а въ протчихъ юртахъ намъ неизвѣстно сколько.

Ваше Превосходительство просимъ насъ извинить, что мы не знаемъ имя и отчества вашего такъ-жа и приказнаго порятка какъ писать: все люди простыя, насъ простыхъ и Господь простить. Прикрата слова, остаемся воожиданіи мы страждущія въ плѣну воожиданіи Божія милости и нашего великаго Монарха и Вашего Высокопревосходительства всемилостивейшаго о насъ бѣдныхъ сожаленія. 1831 года Іюня 11 дня городъ Хива.

Къ сему прошенію плѣнный казакъ Павель Зайцевъ и сынъ яво Иванъ по ихъ личному прошенію и за себя Астраханскій мещанинъ Егоръ Щукинъ, служащій казакъ Александръ Богатыревъ, отставной солдатъ Андрей Ереминъ, Астраханскій мещанинъ Григорій Лебедевъ, служащій казакъ Иванъ Печеркинъ, служащій казакъ Петръ Литвиновъ, Астраханскій мещанинъ Петръ Крыловъ и сынъ Астраханскаго мещанина Тимофей Воробьевъ и ихъ личной просьбы подписалъ Егоръ Щукинъ.»

На письмѣ рукою военного губернатора, въ то время Павла Петровича графа Сухтелена 2-го. сдѣлана слѣдующая надпись:

«При удобномъ случаѣ въ денешѣ къ Г. Рудофиникину упомянуть, что изъ полученнаго на имя мое изъ Хивы отъ плѣнниковъ письма оказывается, что тамъ находится въ неволѣ до 1800 человекъ русскихъ людей. О подписавшихся разнаго состоянія на семъ письмѣ плѣнникахъ извѣстить въ тѣ мѣста, откуда они себя означаютъ происхожденіемъ дабы родственникамъ и согражданамъ о жизни ихъ и судьбѣ было извѣстно. Предъ выходомъ каравана изготовить

объявленіе, въ которомъ увѣдомить плѣнниковъ, что правительство заботится о ихъ освобожденіи, что мѣстное начальство ни какого отъ себя случая изъ виду не упуститъ. Я намѣреваюсь два или три экземпляра безъ подписи отослать въ Хиву по возможности для подкрѣпленія вѣры и надежды сихъ несчастныхъ. Письмо отъ нихъ доставленное хранить при дѣлахъ канцеляріи.»

Ниже помѣщаемъ текстъ объявленія, которое Сухтеленъ просилъ пограничную комиссію отправить при первомъ удобномъ случаѣ.

«ОБЪЯВЛЕНІЕ

находящимся въ Хивѣ русскимъ плѣнникамъ.

Русскіе плѣнники, находясь въ Хивѣ въ тяжелой неволѣ и претерпѣвая крайнее изнуреніе, просятъ принять мѣры къ доставленію имъ свободы.

Вслѣдствіе чего и объявляется онымъ, что Россійское Правительство, принимая полное участіе въ положеніи сихъ плѣнныхъ, заботится объ ихъ освобожденіи и что мѣстное Оренбургское начальство для сего никакого случая изъ виду не упуститъ.

Объявленіе сіе посылается имъ съ тѣмъ, дабы они возложили надежду на Бога, искали утѣшенія въ вѣрѣ христіанской, подкрѣпляющей страждущихъ.»

Вникая въ вышеприведенное письмо плѣнниковъ, невольно преклоняешься передъ тѣмъ яркимъ свѣточемъ вѣры, который горѣлъ въ сердцахъ этихъ простыхъ людей, и невольно удивляешься ихъ замѣчательной начитанности въ св. писаніи, принимая во вниманіе, что плѣнники были лишены возможности отправлять не только богослуженіе, но и исполнять всѣ христіанскія требы. Вслѣдствіе этого они могли имѣть духовную связь съ церковью посредствомъ лишь преданія.

Впрочемъ, Оренбургское начальство заботилось,

какъ увидимъ ниже, о высылкѣ для плѣнниковъ богослужебныхъ книгъ, но доходили ли онѣ по назначенію-неизвѣстно.

Вопросъ объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ являлся такимъ образомъ однимъ изъ жгучихъ вопросовъ въ сношеніяхъ Оренбургскихъ губернаторовъ съ Среднеазиатскими ханствами. Но не одно тяжелое положеніе плѣнниковъ заставляло правительство обратить серьезное вниманіе на вопросъ объ ихъ освобожденіи; къ этому побуждала и самая численность томившихся въ неволѣ русскихъ людей.

Въ этомъ отношеніи важно прослѣдить

«Вѣдомость объ увлеченныхъ киргизцами съ Оренбургской линіи въ плѣнъ, убитыхъ и возвращенныхъ изъ плѣна людей.»

Вѣдомость эта, составленная ст сов. Жуковскимъ, была передана 3 августа 1832 г. К. К. Рудофиникину, директору азіатскаго департамента, который представилъ ее на высочайшее усмотрѣніе императора Николая 1.

Года.	Увлечено въ плѣнъ.	Выкуплено.	Осталось въ плѣну.	Убито.	Всего погибло.	Годъ.	Увлечено въ плѣнъ.	Выкуплено.	Осталось въ плѣну.	Убито.	Всего погибло.
1758.	4.	»	4.	»	4.	1801.	20.	15.	5.	»	5.
1760.	41.	»	41.	»	41.	1802.	102.	2.	100.	2.	102.
1761.	7.	»	7.	»	7.	1803.	67.	4.	63.	2.	65.
1763.	1.	»	1.	»	1.	1804.	15.	7.	8.	»	8.
1764.	3.	»	3.	»	3.	1805.	7.	7.	»	»	»
1765.	9.	»	9.	»	9.	1806.	22.	11.	11.	»	11.
1766.	13.	»	13.	»	13.	1807.	32.	13.	19.	»	19.
1768.	1.	»	1.	»	1.	1808.	10.	6.	4.	»	4.
1769.	1.	»	1.	»	1.	1809.	6.	»	6.	»	6.
1770.	64.	»	64.	»	64.	1810.	18.	9.	9.	»	9.
1771.	50.	»	50.	»	50.	1811.	6.	3.	3.	»	3.
1772.	9.	»	9.	»	9.	1812.	15.	3.	12.	»	12.
1773.	13.	»	13.	»	13.	1813.	10.	4.	6.	»	6.
1774.	1380.	»	1380.	»	1380.	1814.	28.	10.	18.	»	18.
1775.	93.	»	93.	»	93.	1815.	10.	7.	3.	»	3.
1776.	146.	»	146.	»	146.	1816.	7.	5.	2.	»	2.
1777.	4.	»	4.	»	4.	1817.	5.	»	5.	»	5.
1778.	12.	5.	7.	»	7.	1818.	4.	»	4.	»	4.
1779.	17.	4.	13.	»	13.	1819.	22.	»	22.	»	22.
1780.	3.	11.	»	»	»	1820.	10.	»	10.	»	10.
1781.	7.	17.	10.	»	»	1821.	42.	20.	22.	15.	37.
1782.	34.	52.	18.	»	32.	1822.	78.	17.	61.	19.	80.

1783.	20.	43.	23.			1823.	113.	44.	69.	34.	103.
1784.	120.	25.	95.	»	95.	1824.	76.	32.	44.	21.	65.
1785.	115.	66.	49	»	49.	1825.	19.	18.	1.	1.	2.
1786.	15.	59.				1826.	38.	22.	16.	2.	18.
1787.	14.	32.				1827.	14.	22.	»	4.	4.
1788.	18.	41.				1828.	22.	22.	»	5.	5.
1789.	32.	45.				1829.	5.	14.	»	1.	1.
1790.	79.	48.	31.	12.	43.	1830.	»	1.	»	»	»
1791.	36.	38.	»	2.	2.	1831.	2.	9.	»	»	»
1792.	43.	34.	9.	6.	15.						
1793.	70.	49.	21.	1.	22.						
1794.	66.	50.	16.	9.	25.	Итого.	3497	1154	2828	192	3019
1795.	105.	54.	51.	4.	55.						
1797.	59.	26.	33.	4.	37.						
1798.	37.	27.	10.	2.	12.						
1799.	127.	48.	49.	7.	86.						
1800.	27.	11.	16.	3.	19.						

Представляя эту вѣдомость (25 іюля 1832 г. за № 1049), Жуковский замѣчалъ, что съ 1824 года увозъ плѣнныхъ съ линіи уменьшается, а въ послѣдніе три года число вырученныхъ превысило такое же увлеченныхъ ордынцами. «Изъ этого явствуетъ», писалъ онъ, «что не съ Оренбургской линіи, а преимущественно съ береговъ Каспійскаго моря, а можетъ быть и изъ другихъ предѣловъ Азіатской Россіи, Ташкенцы, Бухарцы, особенно же Хивинцы, приобрѣтають большую часть несчастныхъ, страждущихъ у нихъ въ неволѣ, экономическихъ крестьянъ съ Эмбенскаго рыболовства.»

Сопоставляя цифровыя данныя «Вѣдомости» съ докладной запиской Генса, которую приведемъ ниже, мы увидимъ, что дѣйствительно главный контингентъ плѣнниковъ былъ увлекаемъ не съ Оренбургской линіи, а съ береговъ Каспійскаго моря. Не даромъ поэтому Генсъ предполагалъ утвердить на Мангишлакскомъ берегу военный постъ, тѣмъ болѣе необходимый, что Туркмены, судя по описанію Вамбери, владѣли почти всѣмъ восточнымъ берегомъ Каспія и Мангишлакъ считали своей первоначальной родиной.

Не мудрено, что эти хищники, несравненно болѣе отважные, чѣмъ киргизы, не церемонились съ русскими людьми и сотнями забирали ихъ въ

плѣнъ, отправляя потомъ на рр. Этрекъ или Гекленъ для продажи въ Хиву.

Та же «Вѣдомость» указываетъ намъ, что громадный процентъ увлеченныхъ съ линіи надалѣ на 1774 годъ—столь памятный для Оренбургскаго края по пугачевскому бунту или «народному замѣшательству», какъ выражались въ официальныхъ бумагахъ конца XVIII и начала XIX столѣтія.

Такимъ образомъ, изъ вышеуказанныхъ примѣровъ ясно вытекаетъ, что какъ самое положеніе плѣнниковъ, такъ и самая численность ихъ требовали неусыпныхъ заботъ высшаго и ближайшаго Оренбургскаго начальства объ ихъ освобожденіи.

Мы полагаемъ, что опредѣленіе тѣхъ или другихъ мѣръ, какія принимались Оренбургскимъ начальствомъ въ этомъ отношеніи, можетъ служить такъ же и для выясненія причинъ экспедиціи Перовскаго, равно какъ и для разрѣшенія вопроса, почему правительство не могло столь долго рѣшиться на вооруженное столкновеніе съ Хивой.

Переходимъ къ указанію этихъ мѣръ въ связи съ тѣмъ положеніемъ, которое занимала Бухара къ Россіи въ данномъ вопросѣ.

Глава IV.

Благородная Бухара, какъ ее считали въ Средней Азіи, стоявшая во главѣ Среднеазіатскихъ народовъ по своему религіозному вліянію на окружающія племена и историческому значенію такихъ городовъ, какъ Самаркандъ, бывшая столица Тамерлана, съ давнихъ поръ обратила на себя вниманіе русской политики. Между Бухарой и Россіей завязались торговые сношенія и развитіе ихъ, несомнѣнно, свидѣтельствовало о дружескихъ отношеніяхъ въ сферѣ политической.

Не мало способствовала видамъ русской политики и та непрерывная вражда, которая разъединяла Среднеазіатскія ханства и кочевыя племена.

«Не даромъ среднеазіатцы», говоритъ Вамбери, «за характеристику собственной своей національности приняли древнюю арабскую пословицу:

«Въ Румѣ (Турціи) блаженство, въ Дамаскѣ благотворительность, въ Багдадѣ ученость, а въ Туркестанѣ ничего кромѣ злобы и вражды».

Подобная вражда существовала между Бухарой и Хивой, и, пользуясь этимъ, русское правительство старалось во что бы то ни стало привлечь на свою сторону Бухарскаго эмира и его приближенныхъ.

Бухара дѣйствительно оказала Россіи серьезную услугу, отказавшись отъ предложенія Хивинскаго хана Аллахъ-Кули-Хана организовать союзъ противъ Россіи, что было въ тотъ годъ, когда русскія войска предположено было двинуть въ Хиву.

Около того-же 1839 г. Англія отправила въ Хиву своихъ агентовъ Стоддарта, Конолли и Неселли, чтобы завязать съ нею торговые и политическія сношенія. Принятые благосклонно Аллахъ-Кули-Ханомъ, они потерпѣли въ Бухарѣ полное фіаско. Ихъ приняли тамъ какъ шпионовъ, а потому подвергли смертной казни по распоряженію Абдуль-Самеръ-Хана. Отсюда становится понятнымъ, почему Оренбургскіе военные губернаторы, какъ полномочные представители Русскаго правительства въ пограничномъ Оренбургскомъ краѣ, не упускали изъ виду подобныхъ благопріятныхъ отношеній Бухары къ Россіи.

Еще въ 1831 году директоръ азіатскаго департамента Рудофиникинъ въ отношеніи своемъ графу Сухтелену 2-му находилъ за лучшее, чтобы тотъ вошелъ въ сношеніе съ находившимся въ то время въ Оренбургѣ при бухарскомъ посольствѣ Диванъ-Бегомъ о мѣрахъ къ освобожденію находящихся въ Бухарѣ и Хивѣ русскихъ плѣнниковъ.

Предсѣдатель пограничной комиссіи Генсъ 6 мая 1831 г. донесъ графу Сухтелену, что онъ объяснялся по этому предмету съ упомянутымъ посломъ Диванъ-Бегъ-Мирзой-Ибрагимовымъ и тотъ не только благопріятно отнесся къ этому, но даже подаль

счастливую мысль къ болѣе дѣйствительному способу освобожденія русскихъ плѣнниковъ.

Основываясь на томъ обстоятельстве, что Хива перепродаетъ своихъ плѣнниковъ не иначе, какъ только единовѣрцамъ-магометанамъ, Диванъ-Бегъ вызывался покупать ихъ самъ въ Хивѣ по 5—8 или болѣе человѣкъ, полагая, что за каждого необходимо будетъ заплатить отъ 30 до 60 бухарскихъ червонцевъ (тилла), или на русскія деньги отъ 480 до 960 руб. Но такъ какъ предложенныя имъ услуги онъ можетъ осуществить не иначе, какъ съ согласія на то своего правителя или перваго министра при дворѣ эмира, Кушъ-Бія, то Диванъ-Беги совѣтовалъ графу Сухтелену написать письмо къ Кушъ-Бію, не упоминая, однако, что Мирза-Ибрагимовъ вызывается на означенныя услуги.

Въ заключеніе своего рапорта Генсъ рекомендовалъ Мирзу-Ибрагимова, какъ человѣка «отъ корыстолюбія, столь свойственнаго азіатцамъ, совершенно свободного, а потому заслуживающаго вполне вниманія Всемилостивѣйшаго Государя».

Графу Сухтелену вскорѣ же пришлось воспользоваться предложеніемъ Диванъ-Бега. Какъ уже намъ извѣстно, Сухтеленомъ было получено письмо изъ Хивы отъ 11 іюня 1831 г., отправленное русскими плѣнниками, а 30 іюля Рудофиникинъ сообщилъ графу, что въ минувшую войну съ Персіею были взяты персами въ плѣнъ Донского казачьяга войска подполковника Молчанова полка казаки Сил-Хованскій, Илья Крапивинъ и Василій Юдавинъ, которыхъ они продали Трухменцамъ, а тѣ перепродали ихъ въ Хиву.

Побуждаемый такого рода письмами и сообщеніями, графъ Сухтеленъ 20 августа того-же года написалъ два письма: одно къ Мирзѣ-Ибрагимову, хлопоча, чтобы тотъ развѣдалъ, гдѣ находятся казаки, и принялъ мѣры для ихъ освобожденія, другое къ упомянутому выше «Высокопочтенному и могущественному Господину Кушъ-Беги.»

«Вамъ», писалъ Сухтеленъ «Высокопочтенному пріятелю моему извѣстно, въ какихъ дружественныхъ отношеніяхъ находятся съ давнихъ временъ правительство Россійское съ Бухарскимъ: съ обѣихъ сторонъ ѣзжали посольства, каковое и нынѣ отъ насъ возвращается къ Вамъ съ пріятнымъ отвѣтомъ и знаками дружества. Извѣстно Вамъ и то, что много находится нашихъ людей въ тяжелой неволѣ въ Хивѣ. Мы старались къ освобожденію ихъ посредствомъ выкупа, но Хивинское правительство не позволяетъ вывести ихъ отъ себя въ Россію, и потому старанія наши не имѣли успѣха, продажа же ихъ и отправленіе въ Бухарію не воспрещается. Поэтому прошу Васъ для поддержанія обоюднаго дружества и согласія быть въ семъ дѣлѣ посредникомъ, возлагая на кого-либо изъ Бухарцевъ, достойныхъ довѣрія Вашего, выкупать изъ Хивы нашихъ плѣнниковъ, привозить ихъ въ Бухарію, а потомъ отправлять съ караванами въ Россію. Издержки на сіе дѣло будутъ возвращаемы и труды и усердіе того, кто отъ Васъ будетъ удостоенъ сей довѣренности, не останутся безъ воздаянія. Порученіе сіе, по моему мнѣнію, можно было бы возложить на состоящаго при посольствѣ Вашего Диванъ Беги-Мирзу-Ибрагимова, который по благоразумію своему весьма способенъ исполнить великія порученія начальства и по преданности къ правительству своему вѣрно желаетъ содѣйствовать ко сохраненію и укрѣпленію дружественныхъ связей съ правительствомъ нашимъ. Я надѣюсь, что Высокопочтенный пріятель не откажется оказать въ семъ дѣлѣ Ваше пособіе и по высокому уму и достоинствамъ Вашимъ не могу въ томъ сомнѣваться.»

Не ограничиваясь этимъ, графъ Сухтеленъ 21 августа того же года пишетъ и къ «степенному Бухарскимъ владѣній посланнику Чегатай-Бегъ Балтанули-Рахматбекову» письмо о казакахъ, прося его также развѣдать, гдѣ они находятся, и постараться выкупить ихъ. При этомъ письмѣ онъ послалъ Рах-

метбекову золотое кольцо съ надписью въ память дружественныхъ отношеній, когда тотъ былъ въ Россіи, «свойственныхъ его благоразумному характеру.»

Высокопарный слогъ писемъ вполне, однако, соотвѣтствовалъ требованіямъ восточнаго этикета и самому характеру азіатцевъ, которые столько же любятъ принимать похвалы, сколько и расточать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. «Житель Востока», замѣчаетъ Вамбери, «родится и умираетъ въ маскѣ; чистосердечіе и откровенность не существуютъ на Востокѣ.»

Такимъ образомъ, вопросъ объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ входитъ уже въ сферу политическихъ отношеній Россіи къ Среднеазіатскимъ ханствамъ. Дѣятельность Оренбургскихъ военныхъ губернаторовъ должна будетъ занять въ исторіи этихъ сношеній выдающееся мѣсто.

Въ своей монографіи «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.» Витевскій очерчиваетъ политическое и административное значеніе ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Отдаленность Оренбурга отъ административнаго центра и обширность подчиненной имъ территоріи дѣлали изъ нихъ какъ бы независимыхъ правителей; имъ не только были подчинены въ высшей инстанціи дѣла судебныя и административныя, но отъ нихъ же непосредственно зависѣли и дипломатическія сношенія съ пограничными Среднеазіатскими народами и владѣльцами и мѣстное законодательство; всѣ войска, расположенныя въ краѣ, были въ полномъ ихъ распоряженіи; кромѣ того, имъ дана была неограниченная власть и надъ всѣми обитателями обширнаго края.»

Изученіе дѣятельности бывшихъ военныхъ губернаторовъ и генералъ губернаторовъ Оренбургскаго края необходимо, слѣдовательно, для полного ознакомленія съ исторіей политическихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Средней Азіей и, несомнѣнно,

важно для исторіи Оренбургскаго края вообще и въ частности-каждой общественной, военной или административной его единицы.

Замѣтимъ также, что если подробная оцѣнка нѣсомнѣнныхъ трудовъ помянутыхъ дѣятелей на укрѣпленіе и распространеніе могущества Россіи на востокъ и благоустройство обширнѣйшаго края есть дѣло будущаго, тѣмъ не менѣе должно признать, что рядомъ съ ними, рука объ руку, трудилась на томъ же поприщѣ съ самаго начала проведенія Оренбургской линіи въ 1735 г, такъ называемая *Оренбургская экспедиція*, переименованная послѣ смерти Кириллова въ *Оренбургскую комиссію*, а уже впослѣдствіи, въ *Оренбургскую пограничную комиссію*.

Въ большинствѣ случаевъ главный начальникъ края руководствовался въ своихъ распоряженіяхъ мнѣніемъ пограничной комиссіи, какъ непосредственно сосредоточивавшей у себя всѣ нити пограничныхъ дѣлъ ввѣреннаго ему края.

Посмотримъ теперь, какія соображенія представила графу Сухтелену пограничная комиссія по вопросу объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ изъ Хивы въ лицѣ своего предсѣдателя генераль-маіора Г. О. Генса.

Суцность его докладной записки, поданной 26 ноября 1831 года, заключалась въ слѣдующемъ:

«Съ давнихъ поръ киргизы занимаются увозомъ плѣнныхъ въ Среднюю Азію и въ особенности въ Хиву.

Въ прежнее время киргизы плѣнили ихъ на р. Волгѣ, за Волгою, по линіи, а теперь исключительно увозятъ съ рыболовныхъ мѣстъ Каспійскаго моря около Мангишлякскаго берега, причемъ увозъ ихъ здѣсь достигаетъ значительной цыфры, а именно до 200 человекъ въ годъ.

Въ Хивѣ происходитъ публичная продажа этихъ несчастныхъ съ вѣдома Хивинскаго правительства, и караванные начальники, видя подобную торговлю,

сами побуждаютъ киргизъ къ увозу и продажѣ русскихъ людей въ своихъ аулахъ. Оренбургская пограничная комиссія для искупленія ихъ ежегодно хотя и получаетъ изъ Оренбургскаго уѣзднаго казначейства 3000 рублей, но успѣхъ подобнаго выкупа ничтоженъ, такъ какъ въ Хивѣ назначена смертная казнь за покупку и увозъ плѣнниковъ въ Россію. Задержка киргизъ-родственниковъ тѣхъ, кто увезъ плѣнниковъ, какъ одна изъ практикующихся въ настоящее время мѣръ, не достигаетъ цѣли, а потому Оренбургское начальство и отпускаетъ этихъ заложниковъ. Между тѣмъ плѣнники страдаютъ, семьи ихъ остаются безъ пропитанія, а хищники не уменьшаютъ, а увеличиваютъ свою дерзость.

Причиною тому-безнаказанность хивинцевъ и и тѣ ласки и уваженіе, которыя расточаютъ въ Россіи посольствамъ изъ Хивы и которыя перетолковываются необразованными людьми, какъ слабость или, даже еще болѣе, какъ боязливость правительства.

Семейства плѣнниковъ ропщутъ на пограничную комиссію и болѣе того на правительство, полагая, что оно не хочетъ освободить плѣнниковъ.

Необходимо принять рѣшительныя мѣры, но онѣ не зависятъ отъ Оренбургскаго начальства. Надо или открыть военныя дѣйствія противу Хивы, или задержать хивинскіе караваны. Первое, однако, можетъ считаться еще непримѣнимымъ: придется затратить громадныя суммы на экспедицію, жертвовать людьми, а между тѣмъ легко можетъ случиться, что экспедиція не достигнетъ цѣли по той простой причинѣ, что хивинцы, при видѣ приближающихся къ Хивѣ русскихъ войскъ, умертвятъ поголовно всѣхъ русскихъ плѣнниковъ изъ за нежеланія выдать ихъ иновѣрцамъ.

Второе же гораздо цѣлесообразнѣе. Задержка хивинскихъ каравановъ въ Оренбургѣ съ одновременной задержкой, по предварительному условію, тако-

выхъ же въ Астрахани и Грузіи вѣрнѣе достигнетъ намѣченной цѣли. Переговоры же съ Хивой объ ихъ освобожденіи всего лучше прекратить, такъ какъ многолѣтній опытъ указалъ, что они совершенно бесполезны и, сверхъ того, не соотвѣтствуютъ достоинству Россійской Имперіи.

Между тѣмъ задержаннымъ съ караванами хивинцамъ объявить, чтобы они написали въ Хиву увѣдомленіе о томъ, что русское правительство не отпуститъ ихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ плѣнные не будутъ освобождены изъ Хивы правительствомъ послѣдней.

По линіи же и по киргизскимъ степямъ разослать объявленіе на русскомъ и татарскомъ языкахъ, что всѣ хивинскіе караваны будутъ задерживаться русскими властями, если требованіе русскаго правительства объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ не будетъ совершенно исполнено Хивой, и что какъ только будетъ освобожденъ и приведенъ изъ Хивы русскій плѣнникъ, то тотчасъ же освободятъ хивинца и часть товаровъ; если же по истеченіи 2-годовалнаго срока всѣ плѣнники не будутъ освобождены, то товары проданы будутъ въ пользу семействъ плѣнниковъ, а хивинцы будутъ сосланы въ отдаленныя мѣста на поселеніе.

Необходимо на восточномъ берегу Каспія учредить военный постъ на Мангишлякскомъ берегу для поселенія тѣхъ изъ освобожденныхъ плѣнниковъ, которые захотятъ перейти въ казаки, а также разсѣлить и по сѣверному скату Усть-Урта.

Мѣра эта хотя и растроитъ русскую торговлю съ Хивой, но не надолго, ибо хивинцы безъ желѣза, юфти и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ, получающихся лишь изъ Россіи, обойтись не могутъ, да и сбытъ своихъ товаровъ производится ими лишь въ ту же Россію. Все это обезпечить и возвысить правительство.

Если же говорятъ, что мѣры эти будутъ несправедливы по отношенію захвата каравана и на-

ходящихся при немъ хивинцевъ, какъ невинныхъ въ плѣненіи русскихъ людей, то эти разсужденія не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ хивинскіе торговцы именно и виновны большею частію въ покупкѣ русскихъ плѣнниковъ и въ понужденіи киргизъ къ плѣненію, да и несчастные плѣнники, въ строгомъ смыслѣ, гораздо, конечно, невиннѣе Хивинскихъ торговцевъ.

Этимъ и заканчивается докладная записка Геса.

Между тѣмъ какъ ближайшее Оренбургское начальство изыскивало мѣры къ освобожденію русскихъ плѣнниковъ, изъ Хивы не переставали получаться на имя военного губернатора новыя письма. 26 іюля 1832 г. Оренбургская пограничная коммиссія сообщила графу Сухтелену, что бухарскій купецъ Гарыфъ Атагаліевъ привезъ изъ Хивы 8 писемъ отъ русскихъ плѣнниковъ къ ихъ родственникамъ, а также и нѣкоторые подарки: халаты и выбойки, которые они имъ присылали. Судя по письмамъ, плѣнники крайне нуждались въ крестахъ и духовныхъ книгахъ. Одни изъ нихъ просили прислать церковные служебники, другіе же кресты.

Коммиссія полагала, что за неимѣніемъ у плѣнниковъ священника необходимо снестись съ Московской синодальной конторой, чтобы та доставила въ Оренбургъ 30 экземпляровъ библіи малаго формата, 10 экземпляровъ каноника, 10 экземпляровъ служебника и 200 серебряныхъ крестовъ, а деньги на эти предметы взять изъ суммъ, ассигнованныхъ на выкупъ плѣнныхъ.

Бухарецъ Гарыфъ Атагаліевъ уже неоднократно оказывалъ услуги въ этомъ отношеніи и даже съ опасностью для его жизни, такъ какъ если хивинцы узнаютъ, что плѣнники переписываются съ родственниками, то доставителей этихъ писемъ наказываютъ жестоко и даже лишаютъ жизни. Поэтому коммиссія просила графа Сухтелена довести до свѣдѣнія правительства о заслугахъ Гарыфа Атагаліева

и выхлопотать ему награду, тѣмъ болѣе, что, еще въ 1826 г. за подобную же услугу военный губернаторъ Эссенъ подарилъ ему золотой перстень въ 150 руб.

Соглашаясь на означенное ходатайство, графъ Сухтеленъ приказалъ выдать въ награду бухарцу 5 арш. красного сукна.

Изъ отрывочныхъ свѣдѣній можно также привести указаніе, что въ ноябрѣ 1833 г. съ караваномъ купца Абдуллы Биктяшева было послано въ Хиву изъ Оренбурга 400 серебряныхъ крестовъ, 1 библия, 1 служебникъ, 2 святцевъ, 2 кононика, но были-ли они доставлены по назначенію, какъ и выше объ этомъ упоминалось, — неизвѣстно.

Участь русскихъ плѣнниковъ, такимъ образомъ, стала главной побудительной причиной для предполагаемой экспедиціи въ Хиву; выдвинувшись на первый планъ, она измѣнила нѣсколько и первоначальную цѣль экспедиціи по проекту князя Волконскаго «взыскать съ хивинцевъ убытки купечества и издержки на нихъ правительства.»

Графъ Сухтеленъ, какъ мы видѣли, близко принималъ къ сердцу горькую участь плѣнниковъ. Къ глубокому сожалѣнію 20 марта 1833 г. смерть лишила Оренбургскій край одного изъ лучшихъ его дѣятелей, бывшаго, по свидѣтельству старожиловъ, человекомъ въ высшей степени гуманнымъ, доступнымъ для каждаго и при томъ высокообразованнымъ. Весь Оренбургъ оплакивалъ его преждевременную кончину.

Послѣ графа Сухтелена въ управленіе Оренбургскимъ краемъ вступилъ генералъ-адъютантъ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Глава V.

На первыхъ же порахъ правительство сочло необходимымъ указать вновь назначенному военному губернатору свои взгляды на вопросъ объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ изъ Хивы.

«Вѣрнѣйшее къ тому средство», писалъ отъ 11 іюля 1833 г. министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде Перовскому, «было бы сдѣлать военную экспедицію въ Хиву и вооруженною рукою освободить нашихъ соотечественниковъ. Но для сего потребны и значительныя издержки денегъ и значительная трата людей.

Сверхъ чрезвычайныхъ суммъ надлежало бы жертвовать тысячами полезныхъ государству воиновъ, которые бы погибли въ степяхъ не отъ руки непріятельской, но отъ климатическихъ и всякихъ недостатковъ; посему правительство наше постоянно воздерживалось отъ сего предпріятія, не желая принести подобную жертву для гадательнаго спасенія нѣсколькихъ плѣнниковъ, — я говорю гадательнаго, ибо весьма можетъ случиться, что хивинцы, видя приближеніе нашихъ войскъ, предадутъ смерти всѣхъ христіанъ, а сами узбеки, властвующие въ Хивѣ, вдадутся въ бѣгство.

Не менѣе того министерство не переставало заботиться объ участи тѣхъ плѣнныхъ и изыскивать всевозможныя средства къ облегченію оной. На сей конецъ ассигнована, между прочимъ, особая сумма Оренбургской пограничной комиссіи, коей предписано всѣми мѣрами чрезъ султановъ ли нашихъ или инымъ способомъ стараться выручать изъ неволи Россійскихъ подданныхъ. Не разъ также писано было къ покойному графу Сухтелену и поручено было одному изъ свиты бывшаго здѣсь въ 1831 году бухарскаго посольства употребить по сему предмету свое стараніе съ общаніемъ приличнаго вознагражденія.

Хотя доселѣ, не смотря на всѣ мѣры, весьма немногіе изъ нашихъ плѣнныхъ были освобождены, но я остаюсь тѣхъ мыслей, что при усугубленіи старанія можно бы достигнуть нѣкотораго успѣха и не только облегчить положеніе сихъ несчастныхъ въ Хивѣ, но даже и выручить ихъ въ гораздо большемъ количествѣ.

Всего лучше и вѣрнѣе казалось бы дѣйствовать черезъ пріѣзжающихъ въ Оренбургъ бухарцевъ, которые могли бы покупать ихъ для себя и потомъ привозить въ Россію. Почему я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, обратить на сіе попечительное Ваше вниманіе и въ случаѣ надобности не жалѣть для сего денегъ, тѣмъ болѣе, что съ основаніемъ укрѣпленія въ Кизиль Тамѣ (если Богу угодно будетъ увѣнчать успѣхомъ сіе предпріятіе) и самые способы къ захвату нашихъ плѣнныхъ если не совершенно прекратятся, то значительно уменьшатся.

Впрочемъ Вашему Превосходительству, какъ главному начальнику Оренбургскаго края, болѣе можетъ быть извѣстно все, что мѣстныя обстоятельства представляютъ къ избавленію помянутыхъ нашихъ плѣнныхъ.»

Мы обращаемъ вниманіе на заключительныя слова Нессельроде, какъ на доказательство значенія Оренбургскихъ военныхъ губернаторовъ въ дѣлѣ политическихъ отношеній Россіи къ Средней Азіи; дѣйствительно, все изложенное въ письмѣ Нессельроде основывается на тѣхъ же соображеніяхъ, которыя изложилъ Генсъ въ своей докладной запискѣ, которая и была, по всей вѣроятности, сообщена Нессельроде, такъ какъ мнѣніемъ Генса и его знаніемъ дѣла дорожили не только главные начальники края, но и государь Николай I.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же заключительныя слова дипломата-министра наводятъ на предположеніе, что Нессельроде въ сущности не признавалъ особой пользы въ освобожденіи плѣнниковъ черезъ Бухару, а главное-предоставлялъ самому Перовскому разрѣшить вопросъ о вооруженномъ столкновеніи съ Хивой.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ событія, предшествующія экспедиціи Перовскаго, оправдывали принятое имъ рѣшеніе выступить въ походъ, тѣмъ болѣе, что опасная его сторона заключалась, какъ видно изъ

записки Генса и письма Нессельроде, въ томъ что хивинцы перерѣжутъ всѣхъ христіанъ при приближеніи русскихъ войскъ къ Хивѣ.

Во всякомъ случаѣ, если бы это предположеніе и оказалось только ловко пущеннымъ слухомъ, чтобы поколебать рѣшимость русскаго правительства, завоеваніе Хивы достигло бы другихъ благотворныхъ цѣлей: обезпеченіе русской торговли въ Средней Азіи, успокоеніе киргизъ и прекращеніе ихъ грабежей и увоза плѣнниковъ

Вотъ въ сущности тѣ матеріалы, которые мы желали представить для выясненія причинъ экспедиціи Перовскаго, состоявшейся зимою въ 1839-1840 гг., какъ неизбежное слѣдствіе того враждебнаго положенія, которое занимала Хива по отношенію къ Россіи.

С. Н. Севастьяновъ

П р и л о ж е н і я.

Дѣло о побужденіи хана и его совѣта къ благосостоянію киргизъ-кайсакскаго народа. Нач. 15 января, 1805 г. конч. 1809 г., на 136 л.

Оренбургскаго казацкаго войска Каргадинской станицы сотника Сеита Джафара Абубакирова.

Р а п о р т ъ

(Князю Волконскому)

Въ 11 марта сего года, принявъ я отъ Оренбургской пограничной комисіи повелѣнія, слѣдующія родоначальникамъ и прочимъ чиновникамъ Аминувльскаго рода обитающимъ относительно до благоустройства ихъ, какимъ образомъ продолжалъ путь свой и что мнѣ повстрѣчалось вниманію достойное непремѣнною обязанностію почелъ Вашему Сіятельству изъяснить, и суть:

1-е. Проѣзжая степью, сначала прибылъ я въ кочевья Мусульманъ бѣя, которому вручивъ повелѣніе комиссіи и всю силу онаго вразумивъ должнымъ порядкомъ, самъ слѣдовалъ далѣе въ аулы ханскаго совѣтника Сары-Чунай бѣя, располагавшагося при пескахъ, именуемыхъ Большіе Барсуки. Тутъ его за отлучкою не засталъ, но навѣдался, что близъ оныхъ ауловъ находится главный виновникъ увлеченнаго въ плѣнъ въ прошедшую осень съ хутора Оренбургскаго изъ дворянъ казака Степана Пастухова крестьянина Федора Николаева Чиклинскаго рода Тлявкабакскаго отдѣленія киргизецъ Утяшъ Сердалиевъ, почему я, имѣя на вырученіе сего плѣннаго отъ начальства особенное порученіе, съ помощью нѣкоторыхъ почтенныхъ людей, повинующихся власти государственной, отобравъ все бывшее при Утяшѣ имѣніе въ залогъ добраго успѣха по сему предмету, отдалъ подъ сохраненіе надежному киргизцу муллѣ Ядигеру; о самомъ же плѣнномъ узналъ, что онъ проданъ уже въ Хиву.

2-е. Такъ какъ Сары-Чунай бѣй и прочіе первенствующие въ Аминулинскомъ родѣ сказано мнѣ, что находятся при рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, то я немедленно слѣшилъ къ нимъ. Приѣхавъ туда, роздалъ всѣ денешніе каждому по принадлежности, какъ то: первому ихъ правителю султану Абулгазыю Каипову, главнымъ старшинамъ Джаназаръ бѣю и Каракубекъ бѣю, Караалтаю и всѣмъ прочимъ, кому слѣдовало; а тутъ нашелъ и Сары-Чунай-бѣя. Всѣ они начертанную имъ Императорскую волю слушали со вниманіемъ и повиноваться ей тогда же при лицѣ моемъ прогласили своихъ подчиненныхъ и приверженныхъ киргизцевъ. Наконецъ, всѣ мнѣ единогласно объявили, что они какъ въ прежнія времена, такъ и нынѣ хана надъ собой имѣютъ, его почитаютъ, а потому и власти повиноваться должны. Ежели бы только ханъ сообразно правиламъ, искони въ ордѣ ихъ постановленнымъ, обратилъ правленіе свое въ прежній видъ, то есть:

чтобъ ханъ ихъ въ лѣтнія времена непремѣнно былъ всегда среди орды, чтобъ всѣ дѣла, до нея касающіяся, разсматривалъ и разбиралъ самъ и чтобъ, по часту разъѣзжая по ордѣ съ своимъ совѣтомъ, невинныхъ удовлетворялъ, а виновныхъ наказывалъ и усмирялъ, подобно какъ всегда поступалъ и не такъ давно существовавшій доселѣ въ ихъ ордѣ Нургалий ханъ; они хана своего почитать будутъ такъ, какъ начальника пограничнаго, а не властелиномъ степного народа.

3-е. Между прочимъ вызвались они мнѣ, что они согласны и готовы удовлетворить претензіи купечества російскаго, только чтобъ напередъ выбранъ былъ для сего только важнаго пункта непремѣнно отъ обѣихъ сторонъ общій совѣтъ и для лицъ онаго назначить удобное мѣсторасположеніе, гдѣ при больномъ стеченіи народа сдѣлавъ сдѣлку, могли бѣ они, поставя сіе закономъ, по силѣ возможности хотя не вдругъ, но по временамъ чинить расплату въ иску купеческомъ, что самое и было для нихъ пріятно.

4-ое. Такимъ образомъ я, исполнивъ предметъ моей посылки, приступилъ къ содѣйствію на вырученіе плѣннаго крестьянина Федора Николаева, а потому предложилъ объ ономъ Джаназаръ бію и Сары-Чунай бію. Они, не отлагая временъ, отправили меня въ препровожденіи родственника Джаназарова Аллаунгара и брата старшины Амимбая Момырова Кундубая въ Хиву. Я прибылъ туда и отъ имени Джаназаръ бія и Сары-Чунай бія явился къ самому хану Хивинскому, назвавъ себя ихъ муллою, который принялъ меня благосклонно: товарищи мои занялись сперва исправленіемъ своихъ нуждъ по деревнямъ и въ Урганичѣ, а я, оставаясь въ самой Хивѣ, получалъ на каждый день порцію по одной тамошней серебряной монетѣ (изъ коихъ составляетъ, полагая ихъ въ счетъ 22, червонецъ), бутылку винограднаго вина, по блюду изъ сорочинскаго пшена, плова и одну дыню, да единовременно выданы мнѣ бумажный халатъ и мерлушчатая шапка.

5-ое. Въ Хивѣ удалось мнѣ видѣть бывшихъ у Высочайшаго двора бухарскихъ посланниковъ Миръ-Галаветдина Миръ-Мугаметъ-Ашинева и Шимугаметъ Байкіева, возвращавшихся черезъ Астрахань восояси, у которыхъ, особенно отъ перваго, какъ самъ онъ мнѣ говорилъ, отобраны хивинскимъ правительствомъ самые лучшіе подарки, врученные для доставленія бухарскому владѣтелю. Онъ хотѣлъ черезъ меня объ ономъ секретно сообщить въ здѣшніе предѣлы, но по случаю продолжавшагося надъ нимъ строгаго надзора со стороны хивинской ему исполнить сего не было возможности.

6-е. Не знаю для чего, тамъ показывали мнѣ хранящіяся въ казенномъ домѣ преизрядной величины пушки и 225 ружей, именуемыхъ шахмальскими, мѣрою въ десять четвертей каждое, и увѣряютъ, что изъ нихъ можно стрѣлять на версту разстояніемъ. Послѣ сего видѣлся я съ двумя кунградскими жителями, дѣтьми двухъ знатныхъ биевъ: Хожа-Мурата и Тюри-Мурата, находившимися въ Хивѣ подъ предлогомъ аманата. Они мнѣ объявляли подъ важнымъ секретомъ, что два раза начальство ихъ покушалось сноситься съ Россійскимъ правительствомъ о дачѣ имъ вспомошествованія на преклоненіе въ подданство хивинскаго владенія къ Россійскому престолу, такъ какъ кунградскіе жители желаютъ, но письма перехвачены, и не знаютъ, какъ сіе довести до свѣдѣнія Россіи. Говорили мнѣ, что у нихъ въ Кунградѣ скрывается самый убійца казанскаго купца Рубая Шихмуратова, давно проживающій Баулинскаго рода въ Черкескомъ отдѣленіи каракалпакъ Дулатъ-батырь, котораго они, нужно будетъ, Россіи могутъ выдать скованнаго. На послѣдокъ предъ отѣздомъ моимъ узналъ я, что сіи аманатчикъ изъ Хивы скрылись.

7-ое. И такъ, въ сорока пяти дневное мое пребываніе въ Хивѣ могъ я довольно разсмотрѣть оную, которая обнесена глиняною стѣною вышиною не болѣе противъ крѣпости Оренбург-

ской. Въ ней трое воротъ и окружность оной не болѣе четырехъ или пяти верстъ. Карауль кругъ города и въ самой крѣпости при ханѣ все изъ плѣнныхъ россіянь. Тамъ сіи почасту стекались ко мнѣ и я видѣлъ ихъ по крайнѣй мѣрѣ до пяти сотъ человѣкъ. Они въ жалкомъ образѣ убѣждали меня своими просьбами, чтобъ донести здѣшнему правительству о ихъ страданіяхъ въ рукахъ варварскихъ и всѣ за подписомъ одного, знающаго нѣсколько російской грамотѣ, именуемаго Федоромъ Серебряковымъ (упражняющагося тамъ въ ружейной работѣ и другомъ хорошемъ мастерствѣ), дали мнѣ на письмѣ просьбу на имя Вашего Сіятельства, которую я при семъ подношу. Сверхъ того, явились ко мнѣ бѣглецы, шатающіеся тамъ, изъ татаръ. Солдатъ Тухветъ-улла Гайсинъ, солдатскій сынъ Загиръ Абдрашитовъ и одинъ плѣненно-бывшій киргизцами каргалинскій татаринъ Шеметъ-Улла Муртазинъ, коимъ я внушивъ челоуѣколюбіе и милосердіе Августѣйшаго Монарха, изливаемое на таковыхъ преступниковъ, и что они, раскаясь въ своихъ дѣйствіяхъ, удостоятся воспользоваться избраннымъ самимъ имъ жребіемъ относительно рода жизни ихъ, пригласилъ ихъ къ возвращенію въ Россію и оставилъ при себѣ. Потомъ въ виду моемъ привезли въ Хиву для продажи Байулинскаго рода, Адаевскаго отдѣленія, воры киргизцы при батырѣ своемъ, называемомъ Дажичаръ, сорокъ одного російскихъ плѣнныхъ и девять калмыкъ, захваченныхъ съ морскихъ рыбныхъ ватагъ. Тамъ же въ Хивѣ слышалъ я-первое, что торгующіе хивинцы, возвращаясь отъ киргизцевъ съ караваномъ, не доѣзжая Хивы, Ямутскими трухменцами были ограблены; второе, выѣхавшіе изъ Хивы съ тамошними продуктами въ Бухарію хивинцы, плывя водою по рѣкѣ въ трехъ большихъ лодкахъ текипскими трухменцами всѣ безъ остатку ограблены; третье-хивинскій Иль-Тезаръ бій старался возмутить бухарскаго хана съ роднымъ его братомъ, находящимся персидскаго владѣнія въ городѣ

Мервѣ главнымъ начальникомъ, но по сему случаю никакого дѣйствія сдѣлать ему не удалось, и четвертое—онъ же, Тезаръ-біи, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Хивы публиковалъ по всему владѣнію своему, что онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года выступитъ съ войскомъ въ походъ на непріятеля, а противъ кого именно-неизвѣстно.

8-ое. Когда я нашелъ крестьянина Федора Николаева, купленнаго ургенческимъ жителемъ хивинцемъ Нургазизомъ за пятьдесятъ семь червонныхъ, то ханъ, за отбытіемъ хозяина сего, приказалъ другому хивинцу Нурфеизу, выкупая его отъ родственниковъ хивинца Нургазиза за свою цѣну, отдать мнѣ, и я, по согласію съ симъ, за 287 барановъ принялъ его къ себѣ на руки. Потомъ я со всѣми ими и съ хивинцемъ Нурфеизомъ, купивъ въ Ургенчѣ одну большую лодку, отправился въ обратный путь водою и плылъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, изъ нея Аральскимъ моремъ, а изъ сего спусться въ устьѣ рѣки Сыръ-Дарьи, достигнули мы до берега мѣстоположенія киргизцевъ Чиклинскаго рода. Вышедъ на сухой берегъ рѣки оной достигнули мы и до самыхъ ауловъ Джаназаръ-бія и Сары-Чунай-бія, явились къ нимъ. Сей послѣдній, принявъ убытки на счетъ виновниковъ-киргизцевъ, похитившихъ крестьянина Николаева, сказалъ мнѣ, что онъ хивинца Нурфеиза удовлетворитъ въ полной мѣрѣ. Меня же съ плѣннымъ Николаевымъ, вывезенными мною изъ Хивы бѣглыми татарами и еще однимъ башкирцемъ, проживавшимъ между киргизцами (который самъ пожелалъ употребить себя на пользу Россіи), при вышеупомянутыхъ Алла унгарѣ и Кундубаѣ съ придачею къ нимъ четырехъ въ прислугъ простыхъ киргизцевъ отправили въ Россію. Отколь ѣдучи, дорогою при вершинахъ рѣки Илека не имѣли уже всѣ мы при себѣ хлѣба или чего другого въ пищу. Я оставя ихъ, самъ, собравъ послѣднія силы, искалъ киргизскихъ кочевьевъ и, будучи въ лѣтнемъ платьѣ при изнуренной лошади, потерялъ дорогу и

своихъ товарищей, но къ неожиданному благополучію набрелъ на аулы Чумекескаго рода, Тукайскаго отдѣленія, гдѣ, являсь къ начальнику онаго Сапарбію, былъ принятъ весьма хорошо, который, видя меня изнуреннымъ и сожалея и о прочихъ оставшихся моихъ сотоварищахъ, снабдивъ меня всѣмъ нужнымъ, перемѣнилъ подо мною лошадь и съ тремя своими провожатыми выпроводилъ на дорогу, гдѣ я нашелъ всѣхъ моихъ товарищей. Перемѣнивъ лошадей, съ помощью послѣднихъ сихъ трехъ вожатыхъ въ 16 число октября вечеромъ прибылъ въ Оренбуръ благополучно.

Рапортъ Абубакирова заканчивается счетомъ издержекъ (120 рублей) за время его поѣздки.

С. С.

